

ХОЛОД ЮЖНЫХ МОРЕЙ

ЮРИЙ
ШЕСТЁРА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юрий Шестёра
Холод южных морей
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10966865
Холод южных морей: Вече; 2015
ISBN 978-5-4444-7577-5

Аннотация

Минуло почти пятнадцать лет с той поры, как фрегат «Надежда» благополучно бросил якорь на рейде Кронштадта, завершив первую русскую «кругосветку» под командой командора Крузенштерна. Молодые участники экспедиции, гвардейский поручик Андрей Шувалов и его друг, мичман Морского корпуса Фаддей Беллинсгаузен, возмужали и стали настоящими «морскими волками», но обоих по-прежнему тянуло в необъятные океанские просторы на поиски еще неоткрытых земель.

И вот наконец мечта их сбылась: 4 июня 1819 года шлюп «Восток» под командованием капитана второго ранга Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена покинул Кронштадтский порт и взял курс в Атлантический океан. И конечно, рядом с капитаном на мостике стоял его лучший друг и помощник Андрей Петрович Шувалов. Началась первая русская антарктическая экспедиция. Впереди были 751 день опасного и труднейшего плавания, десятки неоткрытых островов, шторма и ураганы и, главное, – открытие нового, шестого континента!..

Содержание

Глава 1. В дальний путь	5
Глава 2. Атлантика	24
Глава 3. Первые открытия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юрий Шестера

Холод южных морей

© Шестера Ю. Ф., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава 1. В дальний путь

В 6 часов утра 4 июля 1819 года шлюп «Восток» при свежем норд-осте снялся с якоря и вступил под паруса. Кронштадтский рейд с провожающими родных и близких в дальний и опасный путь к неведомым южным полярным землям остался позади. Проходя бастионы Средней и Купеческой гаваней, они видели толпы народа, который приветствовал их взмахами шляп и криками «ура!». Матросы, поставленные вдоль борта, ответили им пятикратным протяжным «ура!». Шлюп отсалютовал крепости пушечными выстрелами и прибавил парусов. Бастионы окутались пороховым дымом и громом ответного салюта приветствовали отважных мореплавателей. Шлюп «Мирный» тоже снялся с якоря и следовал за своим флагманом.

Андрей Петрович, стоя на мостике рядом с Фаддеем Фаддеевичем, уже во второй раз надолго покидал Кронштадт, но только с той лишь разницей, что друг его был уже не юным мичманом, а капитаном шлюпа и начальником Антарктической экспедиции, а он – его ближайшим помощником. А это были две большие разницы.

Вслед за ними покинула Кронштадт и другая экспедиция, возглавляемая капитан-лейтенантом Васильевым, направлявшаяся в Арктику через Берингов пролив для отыскания северо-западного прохода из Тихого океана в Атлантический.

* * *

После окончания поминок по батюшке они сидели в комнате Андрюши, и Фаддей выжидательно смотрел на своего друга.

– До выхода экспедиции в кругосветное плавание остались считанные дни, – напомнил он, – и времени на раздумья больше не остается. Меня самого очень поздно назначили начальником экспедиции и капитаном «Востока», на котором я поднял свой брейд-вымпел, когда офицерские штаты его были уже укомплектованы. Мне лишь с большим трудом удалось назначить на должность старшего офицера шлюпа «Восток» капитан-лейтенанта Завадовского, моего помощника с фрегата «Флора», которым я командовал на Черном море. Теперь вся надежда на тебя.

– Почему же так получилось? – искренне удивился Андрей Петрович. – Ведь такие назначения, как мне известно, производились заблаговременно, иногда за несколько лет до начала экспедиции. Так было и с Берингом, и с Крузенштерном.

– Ты абсолютно прав. Но, во-первых, с организацией этой экспедиции очень торопились, чтобы успеть обогнать англичан и французов, которые вроде бы как проснулись от гипнотического сна, в котором в течение полувека находились под воздействием авторитетных заявлений капитана Кука, сделанных им после неудачных попыток открытия южных полярных земель. Ведь не зря же Иван Федорович Крузенштерн в записке морскому министру маркизу де-Траверсе¹ уже 31 марта, то есть мене двух месяцев тому назад, писал полные тревоги следующие слова. Подожди, сейчас попробую по памяти восстановить их в точности, ибо они, наверное, навсегда запали в мою душу. А это важно, кроме всего прочего, и для тебя. *«... Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять у нас; она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам»*. По моему, именно так.

¹ Де-Траверсе Иван Иванович (1754–1831) – маркиз, военно-морской деятель, адмирал. Поступил в русский гребной флот из капитанов французской морской службы. С 1802 г. был главным командиром черноморских портов. Морской министр (1811–1828).

Во-вторых, вроде бы начальником Антарктической экспедиции намеревался стать и сам Крузенштерн, который, кстати, одним из первых выдвинул саму идею ее организации. Но у него не заладилось что-то со зрением, и поэтому он рекомендовал на эту должность меня, так как Головин, которому он отдавал предпочтение, в это время был в кругосветном плавании в Русскую Америку, – при этих словах Андрей Петрович недобро усмехнулся. – Однако было принято решение назначить начальником экспедиции капитан-командора Ратманова, который, как ты помнишь, был старшим офицером шлюпа «Надежда» у Крузенштерна во время нашего первого кругосветного плавания. Но незадолго перед этим тот, командуя кораблем, при возвращении из Испании потерпел во время бури кораблекрушение у мыса Скагена и находился на излечении в Копенгагене. Поэтому Ратманов вместо себя рекомендовал на эту должность меня, что совпадало и с мнением Крузенштерна. Вот так в самый последний момент назначенным на должности начальника экспедиции и капитана «Востока» стал я, будучи до этого резервным кандидатом.

– Надо же, как все чудно закрутилось, – покачал головой Андрей Петрович и задумался.

Гробницу для батюшки в фамильном склепе он уже заказал, но времени для объезда всех имений с инспекцией, как он обещал батюшке после его кончины, явно не хватало, и это мероприятие в случае его согласия на участие в экспедиции откладывалось как минимум на целых два долгих года. Андрей Петрович переменил положение своего тела в кресле и тяжело вздохнул – не в его правилах было нарушать данное обещание, да еще перед отцом на его смертном одре. Хотя, с другой стороны, он его и не нарушал, а только откладывал исполнение. В то же время упустить возможность участия в столь необычном кругосветном плавании в южные высокие широты было явно неразумно. В другое время он бы принял сделанное ему подобное предложение, не задумываясь ни на минуту. Он бы это почел за счастье, свалившееся с небес. Это, конечно, так. Но ведь, само собой, надо было и оказать дружескую помощь Фаддею, который в ней, как он чувствовал, очень нуждался. И взглянул на друга, напряженно ждавшего его решения.

– Мы успеем хотя бы отметить девять дней после кончины батюшки? – несколько рассеянно, но в то же время с явной тревогой в голосе спросил Андрей Петрович.

– Должны успеть, – облегченно вздохнул Фаддей Фаддеевич, откинувшись на спинку кресла. – В крайнем случае я обещаю задержать отплытие шлюпов под каким-либо благовидным предлогом.

– Тогда плывем вместе, Фаддей.

– Спасибо, Андрюша.

И друзья крепко обнялись.

* * *

Прибыв на «Восток», Андрей Петрович был приятно поражен размерами и изысканностью отделки адмиральской каюты, выделенной Фаддеем Фаддеевичем в его распоряжение. Она была очень похожа на каюту, которую занимал камергер Резанов на «Надежде» во время их плавания на Дальний Восток. Но ту он видел только однажды во время аудиенции у камергера перед приходом в Петропавловскую гавань после визита в Японию и, будучи полностью поглощенным волновавшими его проблемами, не особо обращал внимания на ее убранство. Теперь же эта каюта стала его жилищем минимум на два года, и он с интересом осмотрел ее.

Большие окна, занавешенные тяжелыми шторами, вместо иллюминаторов; между ними – трюмо с изящной отделкой; огромный двухтумбовый письменный стол со стоящими на его полированной поверхности позолоченным канделябром на пять свечей, вычурной чернильницей с крышкой, хрустальным стаканчиком с пучком остро заточенных гусиных

перьев и серебряным звонком для вызова вестового; кресло добротной работы, обитое мягкой кожей; перед письменным столом – изящный столик с двумя мягкими стульями по его бокам для посетителей; большой книжный шкаф и полки для книг над ним.

За перегородкой что-то вроде алькова с широкой деревянной кроватью под балдахином. У ее изголовья тумбочка, а напротив – умывальник с зеркалом и полочкой для туалетных принадлежностей. Справа у переборки – двухстворчатый платяной шкаф.

Весь пол каюты покрыт дорогими ворсистыми коврами, похоже, персидской работы. Уютно и рационально.

– Ну и как тебе показалась твоя скромная обитель, Андрюша? – улыбнулся Фаддей Фаддеевич, с интересом наблюдая за Андреем Петровичем, осматривающим каюту.

– Это не келья, которые были у нас с тобой на «Надежде», а апартаменты, которые мне и не снились! Большое спасибо, Фаддей, за царский подарок...

– А что? По-моему, вполне подходящие условия для работы и отдыха ученого и литератора. Не так ли? – как бы вскользь заметил капитан шлюпа. – Но это только один мой подарок для тебя, – загадочно произнес он и коротко позвонил в колокольчик.

И тут же у входа в каюту бесшумно вырос стройный голубоглазый матрос с русыми волосами. «Ну, прямо-таки истинный русский молодец из сказок!» – восхитился про себя Андрей Петрович.

– Вот ваш вестовой, Андрей Петрович, – представил того Фаддей Фаддеевич, еле сдерживая прямо-таки бившую из него радость за друга.

– И как же тебя зовут, добрый молодец? – заинтересованно спросил Андрей Петрович.

– Матвеем, ваше высокоблагородие! – четко ответил вестовой.

Друзья переглянулись. «А как же еще мог он титуловать меня? Ведь вестовой уже, конечно, знал, что я заместитель начальника экспедиции по ученой части, да к тому же еще занимаю и адмиральскую каюту. Но в то же время он не мог знать, что после утверждения меня в этой должности по ходатайству Академии наук мне был пожалован статский чин коллежского асессора, соответствующий штаб-офицерскому чину. Так что ход его мыслей совершенно оправдан. Примерно так же мыслит, наверное, и Фаддей», – рассудил он.

– Обращайся ко мне «Андрей Петрович».

– Есть, ваше высокоблагородие! – автоматически ответил Матвей.

Друзья уже откровенно рассмеялись, окончательно приведя вестового в смущение.

– Есть обращаться к вам «Андрей Петрович»! – поправился тот, опасливо поглядывая на капитана.

– Молодец, Матвей! Справился с трудной задачей, – похвалил вестового Фаддей Фаддеевич, улыбаясь.

– Рад стараться!

– А теперь ступай и принеси вместе с Макаром кресло из моей каюты, – распорядился капитан.

– Есть! – вестовой четко повернулся через левое плечо и мгновенно исчез за дверью.

– Вот этот Матвей и есть мой второй подарок тебе, Андрюша, – продолжил Фаддей Фаддеевич, усевшись в принесенное вестовыми кресло. – Он был вестовым в кают-компании фрегата «Флора», которым я командовал на Черном море. Исполнительный, толковый малый, одним словом, не быдло. В свое время был в прислугах у графа Шереметева в его имении под Москвой, в Останкине. Но был отдан им в рекруты за «шалости» с крепостными актрисами его театра. Строгий, видать, мужик, его сиятельство! Когда же я был назначен начальником экспедиции и перебирался в Кронштадт, то, естественно, прихватил и своего вестового с фрегата, а заодно, думая о тебе, перевел с «Флоры» на «Восток» и Матвея. Ведь роль вестового имеет для офицера большое значение, а тем более в дальнем плавании. Он обеспечивает ему прочный тыл, и при том ежедневно, ежечасно. Матвей же тебе будет

не только отличным слугой, но и добрым помощником в твоих научных и литературных делах. Грамотен, начитан, разбирается в музыке. Только особо не балуй его, ибо люди подобного рода из низов быстро привыкают к различным, пусть даже небольшим поблажкам.

– Еще раз большое спасибо, Фаддей, за заботу обо мне! Однако далеко же ты смотрел, вроде как бы невзначай сватая меня в свою экспедицию.

– Действительно, сватая, как ты выражаешься, тебя, я думал не только о твоём благополучии. Ведь, как ты знаешь, меня назначили на экспедицию в самый последний момент, когда ее штаты были уже полностью укомплектованы. А за каждой кандидатурой, как ты догадываешься, стояли высокие и могущественные фамилии. Слава Богу, что мне удалось протасовать на должность старшего офицера «Востока» Ивана Ивановича Завадовского. Но это, так сказать, в интересах службы. А вот посоветоваться в сложной ситуации, а то и поплакаться в жилетку в случае необходимости, извините меня, не с кем и некому. Так что твоё участие в экспедиции было моей голубой мечтой, в силу чего я готов был перегрызть глотку каждому, кто посмел бы посягнуть на твою должность, придуманную и «пробитую» через Академию наук лично мною и лично для тебя. Поэтому извини меня и, если можешь, прости за мою настойчивость, я бы даже сказал, настырность в этом вопросе.

Андрей Петрович не смог выдержать умоляющего взгляда Фаддея Фаддеевича, устремленного на него.

– Извинять мне тебя, а тем более прощать, не за что. Давай лучше, дорогой Фаддей, радоваться тому, что все так удачно сложилось, и мы снова вместе в дальнем плавании. Дай Бог, чтобы нам повезло, и мы, несмотря ни на что, открыли бы Южный материк, – мечтательно произнес Андрей Петрович. – Если таковой существует на самом деле, – уже осторожно уточнил он.

Взгляд Фаддея Фаддеевича просветлел.

– Мы найдем этот материк, Андрюша, обязательно найдем. И он есть. Непременно есть. Ведь не могут же две полярные области Земли быть похожими друг на друга, как близнецы-братья! Ты вселяешь в меня уверенность, которой иногда не хватает. Ты – мой талисман! – мистически произнес он, глядя на Андрея Петровича широко открытыми глазами.

Тот рассмеялся.

– Ты чего это?! – недоуменно спросил капитан.

– То же самое мне говорил Иван Александрович Кусков, личный друг Баранова и правитель селения и крепости Росс в Калифорнии и, самое главное, почти теми же словами. Но самое удивительное, что он был прав – все, что мы начинали и делали вместе, заканчивалось вполне успешно.

– Вот видишь! И я же о том... Кстати, у меня есть официальные документы, которые тебе будет полезно не только прочесть, но и изучить их. Подожди, сейчас принесу, – заспешил он.

– Ты что, не можешь приказать сделать это вестовому? – искренне удивился Андрей Петрович.

– Ни в коем случае! О них, об этих документах, не имеют понятия даже господа офицеры. Их содержание известно лишь мне и Михаилу Петровичу Лазареву. Ты будешь третьим, и не столько по дружбе, сколько по должности, – уже полуофициально изрек начальник экспедиции.

Через некоторое время Фаддей Фаддеевич вернулся с темно-синей тесненной золотом папкой в руках.

– Здесь четыре документа: Инструкция морского министра, подписанная государем, Инструкция государственной Адмиралтейств-коллегии, Инструкция государственного Адмиралтейского департамента и вторая Инструкция от морского министра. Прочитай их и изучи, если сочтешь нужным, а потом мы их обсудим вместе. Кстати, верхний левый ящик

твоего письменного стола с замком. Рекомендую конфиденциальные документы хранить в нем, а ключ от него всегда иметь при себе, – и он ловко извлек из карманчика мундира ключик, прикрепленный к незатейливому брелку.

– Спасибо, Фаддей, я обязательно воспользуюсь твоим советом, если ты к тому же одолжишь мне, исключительно по бедности, еще и брелок, – улыбнулся Андрей Петрович.

– Одолжу, и с превеликим удовольствием. Я предусмотрел и это, – и он таким же изящным движением извлек из того же кармашка еще один брелок. – Пользуйся моей добротой, сударь, пока я жив!

– Тьфу, тьфу, тьфу! – трижды сплюнул через плечо Андрей Петрович. – Ну и шутки у тебя, капитан второго ранга! – поморщился он. – И это после недавних похорон моего батюшки...

– Извини, Андрюша, как-то не подумал... – искренне огорчился Фаддей Фаддеевич. – Но ты же ведь прекрасно знаешь, что я всегда готов выполнить любую твою просьбу!

– Знаю, если уж ты в свое время согласился доставить из Петропавловска в Петербург «горячо любимого» тобой попугая, – рассмеялся Андрей Петрович, отходя от недавней мимолетной обиды. – В таком случае ты должен выполнить еще одну мою просьбу.

– Любую, дружище, любую, – Фаддей Фаддеевич радовался перемене в настроении друга.

Андрей Петрович внимательно взглянул в его глаза и уже вполне серьезно, отбросив шуточный тон, продолжил:

– В соответствии со штатным расписанием экспедиции ты являешься моим непосредственным начальником. Я понимаю и принимаю это. Но я бы очень хотел и был бы чрезвычайно рад, если бы в отношениях между нами сохранился тот дух товарищества, который сложился еще в те времена, когда мы оба были лишь вахтенными офицерами на «Надежде». Я думаю, что это было бы на благо успеху нашего общего дела.

Фаддей Фаддеевич ошалело глянул на него:

– Ты, случайно, не тронулся умом-то?!.. Стал бы я правдами и неправдами «выбивать» тебе должность и сватать тебя в экспедицию только ради того, чтобы иметь возможность покомандовать тобой, теща свое самолюбие?! Дурак ты, Андрюша, да и только! И других слов подобрать я просто не могу...

Видя неожиданный взрыв эмоций у друга, Андрей Петрович попытался уточнить свою позицию в этом щекотливом вопросе их взаимоотношений.

– Я просто хотел оговорить форму наших отношений в новых условиях в самом начале длительного плавания, чтобы потом, не дай бог, не было никаких накладок. Только и всего, – извиняющимся тоном пояснил Андрей Петрович, уже жалея о затеянном им разговоре.

– Рациональный ты человек. Рациональный и не интересный. Все бы тебе разложить по полочкам, все бы оговорить... Одним словом, ученый, черт бы тебя побрал! А жизнь-то сложнее, и всякое бывает... – и безнадежно махнул рукой.

Андрей Петрович тоскливо смотрел в окно на крикливых чаек, кружащихся над рейдом, переживая за раздосадованного друга, который, глядя в одну точку, думал свою невеселую думу. Но вот капитан встряхнул головой, как бы отбрасывая прочь мучившие его мысли, и, посмотрев на смущенного друга твердым взглядом, почти торжественно произнес:

– Обещаю тебе, что никогда, ни при каких обстоятельствах не изменю нашим дружеским отношениям! А если что-либо подобное и случится, не жалея меня, а двинь мне в мою, грубо говоря, рожу! Я не обижусь...

– До этого, я надеюсь, дело не дойдет, – облегченно вымолвил Андрей Петрович, понимая, что кризис в их отношениях миновал.

Фаддей Фаддеевич внимательно и как бы со стороны посмотрел на него.

– А дурак ты все-таки, Андрюша, и дурак не малый! – воскликнул он и уже расслабленно рассмеялся, обхватив друга своими ручищами.

Оба, как дети, радовались восстановлению отношений между ними, улыбаясь и похлопывая друг друга по плечам.

– Ну ладно, – спохватился капитан, – вы тут обживайте каюту с Матвеем, а я пошел – дел по горло, – уже деловым тоном на ходу сказал он. Однако перед выходом из каюты приостановился. – Как-нибудь заскочу к тебе, чтобы обсудить содержание документов. Это очень важно.

* * *

Андрей Петрович вызвал вестового.

– Давай-ка, Матвей, разберем мои вещи. Вон там упакованы мои платья и белье. Развесь и разложи все аккуратненько в платяном шкафу, а я тем временем займусь рукописями.

Матвей споро, привычными движениями развешивал барские вещи, а когда наткнулся на новенький, совсем недавно пошитый с учетом изменений в военной форме за последние годы мундир поручика лейб-гвардии Преображенского полка, то с уважением покосился на своего нового хозяина. Он в свое время вдоволь насмотрелся на подобные мундиры в имении графа Шереметева и знал им истинную цену. «Выходит, барин не только ученый, но и гвардейский офицер! А это совсем другое дело...» – размышлял он, выполняя порученную ему работу.

– Не знаю, что и делать с этой уймой бумаг? – растерянно произнес Андрей Петрович, глядя на их стопки, занимавшие не только весь письменный стол, но и столик перед ним. – Куда же их разместить?..

– Может быть, уложить их в моей каморке? – неуверенно спросил вестовой.

– Да у тебя там и так повернуться негде, – скептически оценил его предложение Андрей Петрович. – Давай-ка лучше, Матвей, воспользуемся старым дедовским способом и засунем все это богатство под кровать, благо, что она широкая. Я рассортировал стопки по годам, а ты аккуратно перевяжи их бечевками и размести под кроватью так, чтобы стопки, начиная с 1803 года, были с краю. С них-то я и начну обработку всех материалов. А вот эти кипы с чистой писчей бумагой разместить отдельно – их-то и надо будет еще исписать, – задумчиво произнес он и вдруг, к своему удивлению, заметил в глазах Матвея то ли затаенную зависть, то ли ревность.

«Да ты, брат, похоже, человек-то творческой натуры... Значит, прав был Фаддей, рекомендуя тебя мне в вестовые. Это хорошо. Может быть, и впрямь со временем станешь мне помощником, чем-то вроде личного секретаря», – с надеждой подумал Андрей Петрович.

Когда же Матвей стал любовно расставлять в книжном шкафу и на полках книги в дорогих переплетах, то не выдержал, и, собравшись с духом, неуверенно спросил:

– А можно будет мне, Андрей Петрович, с вашего разрешения брать некоторые книги из вашей библиотеки, чтобы почитать их в свободное время?

– Конечно, можно. Но только не в ущерб служебным обязанностям, – с хитрецей улыбнулся тот.

Лицо вестового вспыхнуло.

– Как можно, Андрей Петрович?! – обеспокоенно воскликнул он. – Ваши бытовые дела всегда будут в полном порядке, в этом можете никак не сомневаться!

– А мои творческие дела? – в тон ему спросил тот.

Матвей сразу же потупился.

– Это как прикажете, Андрей Петрович... – недоверчиво, но с тайной надеждой, как на несбыточную мечту, ответил вестовой.

* * *

Андрей Петрович отослал вестового и сел за изучение документов, переданных ему Фаддеем Фаддеевичем. Быстро пробежав их глазами, он вернулся к Инструкции, подписанной императором, в которой в сжатой форме была сформулирована основная задача экспедиции:

«...Его Императорское Величество, вверив первую дивизию, назначенную для открытий, капитану 2-го ранга Беллинсгаузену, соизволил изъявить высочайшую волю касательно общего плана сей кампании нижеследующим:

Отправляясь с Кронштадского рейда, до прибытия в Бразилию, он должен будет останавливаться в Англии и Тенерифе.

Коль скоро наступит удобное время в сем году, он отправится для обозрения острова Георгия, находящегося под 55 градусом южной широты, а оттуда к Земле Сандвичевой и, обошед ее с восточной стороны, спустится к югу и будет продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой он только может достигнуть; употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколь можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставит сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях.

Ежели под первыми меридианами, под коими он спустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, и не выпуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия Земель, так и для приближения к Южному полюсу...»

Еще и еще раз прочитав содержание инструкции, Андрей Петрович задумался.

«Фаддей, конечно, будет всеми силами пробиваться сквозь льды на юг, к полюсу, чтобы выполнить предписание государя. При этом будет, зная его характер, рисковать и не раз, и не два, ставя тем самым под угрозу гибели саму экспедицию. Это может в конце концов привести к конфликту с Лазаревым, мореплавателем, вне всякого сомнения, опытным и в меру осторожным и осмотрительным, много повидавшим на своем веку, несмотря на довольно молодые годы. А за плечами Фаддея только неумная отвага и одно кругосветное плавание на «Надежде», да и то только в качестве вахтенного офицера, хотя Крузенштерн и выделял его среди остальных офицеров. Командование же фрегатом можно частично исключить из его мореплавательского стажа, так как Черное море – это лужа по сравнению с Мировым океаном. Вот здесь-то и могут сыграть положительное значение мои дружеские отношения с Фаддеем в качестве своего рода противовеса его беспримерной и бескомпромиссной неустрашимости. И какой же я все-таки молодец, что вызвал его на трудный для обоих разговор по поводу выяснения наших отношений! – похвалил он себя. – Зато, несмотря на возникшие при этом разговоре трения, теперь у меня руки развязаны...»

Затем взял в руки вторую Инструкцию от морского министра, содержащую подробные руководства по ученой и художественной части, касающиеся его непосредственной деятельности. Однако мысли его по-прежнему витали вокруг главной задачи экспедиции по отысканию земли у Южного полюса. Он откинулся на спинку кресла, продолжая свои размышления.

«Какие же признаки могут свидетельствовать о наличии земли значительных размеров, если судно находится от нее в нескольких десятках миль, отделенное сплошными ледяными полями? Ведь ответ на этот вопрос в конечном счете и должен определить успех экспедиции».

Но ответа не было, и Андрей Петрович углубился в изучение литературы по гляциологии², описаниям ледяного панциря Гренландии и льдов Северного Ледовитого океана, которую успел приобрести в книжных лавках Петербурга сразу же после того, как стало очевидным его участие в экспедиции. Слава Богу, времени для этого было более, чем предостаточно, – до Антарктики было еще очень и очень далеко...

* * *

И уже гораздо позже, при подходе к датским проливам, ситуация с этим вопросом более или менее прояснилась. Во всяком случае, Андрей Петрович пришел к выводу, что по крайней мере два признака могут быть использованы для определения относительной близости земли больших размеров в ледовых условиях высоких южных широт.

В первую очередь это касается айсбергов, что объясняется природой их происхождения. Дело в том, что они являются огромными обломками ледяного панциря, медленно сползающего с суши в океан. Постепенно нависая над прибрежными глубинами, край панциря толщиной в несколько сотен футов (около ста или более метров) под действием силы тяжести обламывается и уходит под воду, а затем всплывает над ее поверхностью в виде ледяной горы, то есть айсберга. Но ледяной панцирь такой толщины может образоваться только над сушей значительных размеров, постепенно приобретая форму ледяного купола. И чем больше айсбергов в высоких широтах, тем, следовательно, больше размеры земли, скованной ледяным панцирем. Кроме того, край ледяного панциря такой толщины должен будет представлять собой форму ледяного барьера, видимого с довольно большого расстояния. Следовательно, зоркие впередсмотрящие, находящиеся на салинге, должны будут при хорошей атмосферной видимости увидеть ледяной барьер минимум за два десятка миль, а то и более.

Андрей Петрович торжествовал. Ведь это было его теоретическим открытием, хотя теория происхождения айсбергов была уже известна, но она никоим образом не была связана с признаком возможного нахождения в районе их плаванья земли значительных размеров. «Итак, первый шаг сделан, – удовлетворенно отметил ученый, – на очереди – второй».

Теперь речь пойдет о паковых, то есть многолетних льдах. Они характерны для Северного Ледовитого океана, где нет земли больших размеров. Огромные ледяные поля, возможно, и дрейфуют, но очень медленно, что способствует наращиванию их толщины в течение нескольких лет. Поэтому-то толщина паковых льдов и достигает десятка футов (трех метров) и более, являясь непреодолимой преградой для кораблей с деревянной обшивкой их корпусов.

Что же касается Антарктики, то там, при обязательном условии наличия земли значительных размеров, должны были бы отсутствовать условия для образования больших полей паковых льдов. И действительно, в отчетах капитана Кука о его попытках проникновения в высокие южные широты нет упоминания о толстых паковых льдах. Хотя эти льды и могли бы находиться гораздо южнее кромки годичных, не очень толстых льдов, что, однако, маловероятно, так как в Северном Ледовитом океане мореплаватели почти сразу же сталкивались с мощными полярными льдами. Кроме того, огромные поля паковых льдов препятствовали бы проникновению к чистой воде айсбергов после их образования, несмотря на их исполинские размеры. А капитан Кук эти айсберги видел и в довольно большом количестве.

² Гляциология – наука о свойствах и развитии ледников.

Таким образом, все взаимосвязано – большое количество айсбергов есть верный признак наличия в высоких широтах земли значительных размеров, что, в свою очередь, предполагает отсутствие там мощных паковых льдов. И, соответственно, наоборот.

Однако оставался не проработанным еще один немаловажный вопрос. А именно: какие морские животные и птицы и их поведение могут быть признаком, пусть и косвенным, наличия земли в районе их обитания в условиях ледовой обстановки и сурового климата Антарктики? Но это вопрос сугубо специальный, и Андрей Петрович, поразмыслив, решил поручить его изучение одному из двух немецких натуралистов, приглашенных Петербургской академией наук для участия в двух экспедициях (Беллинсгаузена и Васильева), которые должны были ожидать их прихода в Копенгагене.

* * *

Друзья наконец-то смогли уединиться в каюте Андрея Петровича, которая становилась традиционным местом их встреч, чтобы обсудить содержание государственных документов, носивших инструктивный характер.

– Ну и каково же твое мнение? – заинтересованно спросил Фаддей Фаддеевич, поудобнее устраиваясь в кресле, которое вестовые принесли из его каюты, находившейся рядом за толстой дубовой переборкой.

– Инструкции, подписанные государем, а это главные из этих документов, сформулированы кратко, но достаточно четко, и, с моей точки зрения, вполне реальны и выполнимы, – капитан при этих словах удовлетворенно задвинулся в кресле. – Время пребывания шлюпов экспедиции за Южным полярным кругом выбрано удачно и, как видно, хорошо продуманно. Но для успешного выполнения поставленных перед ней задач, как мне представляется, необходимо располагать некими ориентирами, если так можно выразиться, или вехами. Искать что-либо вслепую, конечно, можно, но, безусловно, не рационально. Поэтому я все время после нашего с тобой последнего разговора посвятил отысканию и обоснованию неких признаков, которые бы прямо или косвенно указывали нам на возможность наличия в обследуемом районе земли значительных размеров.

Фаддей Фаддеевич привстал, а затем вновь опустился в кресло, выказывая тем самым живейший интерес к высказываниям своего друга. И Андрей Петрович стал не спеша излагать результаты своих сугубо теоретических исследований и по айсбергам, и по паковым льдам, давая при этом необходимые пояснения и делая ссылки на мнения авторитетов. При этом не утаил, что может существовать еще и третий признак, определение которого он намеревался возложить на иноземного натуралиста, который, по его мнению, должен быть более подготовленным в этой области научных знаний.

Фаддей Фаддеевич, лично отвечавший за результаты экспедиции, широко открытыми глазами смотрел на своего друга-ученого.

– Да ты, Андрюша, сам-то хоть понимаешь, что сотворил?! Теперь я, начальник экспедиции, вооружен научной теорией поиска неведомых земель в царстве льдов! Ты мне как будто сорвал повязку незнания с моих глаз! Ты гений, ты воистину гений, ученый с большой буквы! А этого иноземца напрягай, пусть хлеб отрабатывает, хотя и не уверен, что он это сделают лучше тебя. Дай я тебя, дорогой, облобызаю!

И Фаддей Фаддеевич сжал его в своих могучих объятиях, нашептывая на ухо: «И что бы я делал без тебя, без твоей светлой головушки, Андрюша?!»

Тут Андрей Петрович не выдержал и откровенно рассмеялся. Капитан же ревниво отстранился:

– Ты что, опять вспомнил про своего ненаглядного Кускова?

Андрей Петрович, продолжая смеяться, утвердительно закивал головой.

– Неужто ты и в самом деле так незаменим, ежели два человека и, я полагаю, не глупых, так ценят тебя?!

– Это, конечно, навряд ли, но что-то рациональное в этом, безусловно, есть... – подавив приступ смеха, с игривым подтекстом ответил Андрей Петрович. – А как же теперь быть с чертом, к которому ты меня послал как ученого? – не унимался он.

– То было упомянуто к месту! – сказал, как отрезал, Фаддей Фаддеевич. – И не провоцируй меня более на подобные высказывания! Тоже мне друг, называется! – негодуя глянул он на Андрея Петровича и вдруг резко переменял тему разговора. – Меня, честно говоря, очень интересует, как все-таки отреагирует на твои научные изыскания Михаил Петрович? – уже серьезно, с долей озабоченности произнес Фаддей Фаддеевич.

– А ты, Фаддей, вроде как ревнуешь Лазарева? – высказал предположение Андрей Петрович.

– Да какая там ревность? – без обиды сказал капитан. – Конечно, у Михаила Петровича большой опыт дальних плаваний. Он не только «отмотал» кругосветку, но и много наплавал в английском флоте, так как британские корабли, как ты знаешь не хуже меня, в гаванях подолгу не задерживаются. А посмотри, как он держит строй кильватера! Я иду на «Востоке» свободно и комфортно, а он на своем тихоходном «Мирном» гонится за мной изо всех сил под всеми лиселями, и даже невооруженным глазом видно, как прямо-таки гнется от натуги его рангоут. Еще хорошо, что он успел до моего прибытия в Кронштадт укоротить мачты на несколько футов, а то мог бы, не приведи господи, и потерять их при свежем ветре.

И до чего же бестолков наш морской министр де-Траверсе. Ведь можно же было, когда одновременно формировались к дальним плаваниям обе дивизии, в 1-ю, мою, включить быстроходные «Восток» и «Открытие», а 2-ю дивизию под командой капитан-лейтенанта Васильева, предназначенную для отыскания северо-западного прохода из Тихого океана в Атлантический, сформировать из более тихоходных «Мирного» и «Благонамеренного». Да где там, заладил, как попугай: «Так было у Крузенштерна, так было у Крузенштерна...» А что было у Крузенштерна, когда Александр I чуть ли ни пинками подгонял и Адмиралтейств-коллегию, и Ивана Федоровича, а заодно и камергера Резанова, к быстрейшему выходу экспедиции в первое кругосветное плавание? Эти суда, «Надежду» водоизмещением в четыреста пятьдесят тонн и «Неву» – в триста пятьдесят тонн, предназначенные для этого кругосветного плавания, Юрий Федорович Лисянский купил в Лондоне за двадцать две тысячи фунтов стерлингов, что составляло почти столько же в золотых рублях по курсу того времени. И он просто не мог потратить большую сумму денег для покупки равноценных судов.

Да и Крузенштерн с Лисянским прошли вместе только от Кронштадта до мыса Горн, где, как ты, конечно, помнишь, – Андрей Петрович утвердительно кивнул головой, – во время бури «Надежда» и «Нева» потеряли друг друга из вида, а затем соединились вместе только на Нукагиве и почти сразу же разошлись на год у Гавайских островов. Правда, затем они вместе пересекли Индийский океан от Макао в Китае до Капштадта у мыса Доброй Надежды на юге Африки, но оттуда до Кронштадта добирались уже опять порознь, потеряв во время шторма друг друга из вида. К тому же Лисянский пошел из Атлантики в Кронштадт не кратчайшим путем через пролив Ла-Манш между северным берегом Западной Европы и островом Великобритания, а вокруг Британских островов, установив тем самым рекорд продолжительности плавания без захода в порты. Лично у меня сложилось впечатление, что Лисянский по каким-то причинам принципиально не желал идти в паре с Крузенштерном и при первой же возможности предпочитал продолжать плавание самостоятельно. Так было и у мыса Горн, так было и после выхода шлюпов из Капштадта. Одним словом, их так называемое совместное плавание можно назвать совместным только относительно.

А нам, флотским офицерам, это преподносилось как образец совместного дальнего плавания.

И вот теперь мы, капитаны как первой дивизии, так, наверное, и второй, мучаемся, чтобы, не дай бог, не потерять друг друга из вида, периодически обозначая свое место в темное время суток фальшфейерами. Дикость какая-то, да и только! – и Фаддей Фаддеевич в сердцах бухнул кулаком по столу.

А затем, несколько успокоившись, уже деловым тоном продолжил:

– Думаю после датских проливов до Портсмута в Англии идти с «Мирным» порознь. Пусть Михаил Петрович хоть недельку отдохнет от погони за мной.

– А ты, Фаддей, оказывается, бываешь и справедлив?

– Бываешь, – усмехнулся тот. – Когда ты впервые самостоятельно делал повороты на «Надежде», меняя галсы, то, честно говоря, смотреть было тошно. А я хоть раз упрекнул тебя?

– Нет, Фаддей, ты был на высоте, – благодарно вспомнил прошлое Андрей Петрович.

– То-то! – удовлетворенно хмыкнул капитан и уже убежденно продолжил. – Командир всегда должен проявлять заботу о подчиненных. Но не сюсюкать, как добренькая нянечка. Каждый в команде должен знать свое место и отвечать за свои дела и поступки.

Андрей Петрович утвердительно кивнул головой. «Сразу видно, что Фаддей прошел хорошую школу флотского офицера за эти годы. Да и командовать фрегатом не так-то просто...» – рассудил он. И в этом вопросе друзья были, как всегда, единодушны.

* * *

При подходе ранним утром к фарватеру гавани Копенгагена на «Востоке» заранее подняли сигнал для вызова лоцмана при пушечном выстреле и убавили парусов. Однако шлюпки с лоцманами не было видно. Когда же показался входной буй, капитан не выдержал:

– Что они, спят, что ли, как сурки?!

И еще убавив парусов, решил сам пройти фарватер, особенности которого изучил по лоции заранее. Шлюп медленно продвигался вперед, оставляя буй по правому борту. Вдруг толчок, и моряки по инерции подались вперед – «Восток» приткнулся к мели...

– Приехали! – процедил сквозь зубы капитан и тут же громко отдал команду: – Убрать паруса!

Заверещали боцманские дудки, и матросы вахтенной смены рассыпались по мачтам.

– Передать на «Мирный» приказ отдать якорь!

И когда тот бухнулся в воду, сигнальщик доложил, что «Мирный» запрашивает, не нужна ли помощь.

– Передай: «Спасибо, не нужна!» – с горечью в голосе приказал капитан.

По трапу на мостик взбежал запыхавшийся старший офицер.

– Фаддей Фаддеевич, в носовых отсеках течи не обнаружено! – на одном дыхании доложил он.

– И на том спасибо... Иван Иванович, распорядитесь спустить на воду баркас и завезти верп.

Когда заскрипели тали и в спущенный на воду баркас лихо попрыгали матросы, наконец-то показалась лоцманская шлюпка.

– Вот, сволочи, – негодовал капитан, обращаясь к Андрею Петровичу, – что делают! Переносят входной буй чуть в сторону, по вызову на судно не являются, ожидая, когда оно сядет на мель, а затем являются собирать мзду за оказание помощи по снятию его с этой самой мели. Красота! И волки сыты и овцы целы... Ведь они прекрасно знают,

что при посадке на песчаную отмель, да еще на малом ходу, никаких серьезных последствий быть просто не может, зато берут с мореходов «честно» заработанные деньги. Вот я их!..

Фаддей Фаддеевич подошел к борту и, не спуская трапа, обложил незадачливых «предпринимателей» выражениями, не требующими перевода во всех флотах мира, пригрозив сообщить об их проделках начальству. Те же, уяснив, что их уловка разгадана, налегли на весла, уходя подальше от разгневанного капитана.

Верп был уже завезен с кормы, шпилем легко оттянулись, и шлюп мягко сошел с мели на фарватер.

– Все, Фаддей Фаддеевич, вроде как вышли на чистую воду, – суеверно поздравил капитана старший офицер, истово крестясь.

– Вроде бы так, Иван Иванович, – устало ответил тот, опустошенный борьбой с внезапно возникшей опасностью.

Затем встретился взглядом с Андреем Петровичем, как бы предупреждая его: «Переговорим, мол, потом, попозже...»

Между тем подошла шлюпка с другими лоцманами, которые поднялись на шлюпы и благополучно отвели их в гавань Копенгагена.

* * *

Вечером вестовые внесли кресло, а за ними в каюту буквально ввалился Фаддей Фаддеевич.

– Все бумагу переводишь, чернокнижник? – «приветствовал» он Андрея Петровича, писавшего за письменным столом в призрачном свете свечей.

– А ты что разоряешься? – спокойно спросил тот.

– Радуюсь! – огрызнулся Фаддей Фаддеевич. – Очень радуюсь посадке на мель на глазах команд двух шлюпов почти в самом начале дальнего плавания. С почином вас, господин капитан второго ранга! – и плюхнулся в кресло.

– Ну что ты терзаешь себя, Фаддей, а заодно и других? – не выдержал Андрей Петрович. – Подумаешь, какая невидаль – ткнул форштевнем песчаную отмель...

Капитан уставился на него не понимающим взглядом.

– Да известно ли вам, господин почетный ученый, что любое касание грунта кораблем военно-морского флота является чрезвычайным происшествием, и я должен теперь «отмыться» за это перед Адмиралтейств-коллегией...

– Не вижу проблемы, – недоуменно пожал плечами Андрей Петрович. – Заяви об этом инциденте в морскую инспекцию порта, и лоцманы, приведшие нас в гавань, с большой охотой подтвердят как факт переноса входного буя, так и несвоевременное прибытие лоцманов по вызову судна. Конкуренция, понимаешь ли... А тебе, уважаемый господин капитан, останется только приложить заключение инспекции к своему рапорту, и все дела.

Взгляд Фаддея Фаддеевича стал светлеть.

– Ты так думаешь? – неуверенно, но с надеждой, спросил он.

– Не думаю, а уверен в этом!

– И что бы я делал без тебя, Андрюша?! – и тут же быстро добавил: – Только не вздумай опять вспоминать про своего Кускова. Я говорю тебе это от чистого сердца.

– Я бы ответил тебе на это твоими же словами: «Пользуйся моей добротой, сударь, пока я жив», но не могу по известной тебе причине.

– Кто старое помянет... – И вдруг его глаза заблестели. – А ты, Андрюша, сам-то когда-нибудь садился на мель или вроде того во время плаваний твоих экспедиций? Только честно, как на духу.

Андрей Петрович, как бы оценивая психологическое состояние друга, посмотрел на него. «Стоит ли именно сейчас затрагивать столь важный вопрос или отложить до лучших времен? Но Фаддей, вроде бы, отошел, успокоился...» И он решился.

– Нет, не садился, но был близок к гораздо худшему, – и, видя нетерпение Фаддея Фаддеевича, продолжил: – Во время нашего перехода в Новую Зеландию, ночью, уже в южных тропиках за экватором, вперёдсмотрящий услышал прямо по курсу шум отдаленного прибоя, и рассыльный срочно доложил об этом мне и шкиперу. Выскочив в одних трусах на мостик, я успел положить судно в дрейф – между прочим, твоя школа, Фаддей! – и отдать якорь. А утром мы увидели огромные валы наката, разбивающиеся о коралловый риф. Так был открыт атолл, не указанный на карте.

– Вот ты уже успел и атолл открыть, – с грустью заметил капитан.

– Не унывай, Фаддей, откроешь и ты, и не один!

– Я верю тебе, Андрюша, ты – вещун...

Андрей Петрович усмехнулся и продолжил:

– А несчастья не случилось только потому, что еще в самом начале плавания я дал указание шкиперу, в общем-то опытному мореходу, в темное время суток идти с убавленным количеством парусов. Как мне показалось, тот посчитал меня не то, чтобы трусом, но слишком осторожным человеком, а, вернее, перестраховщиком. И только после этого случая он понял мою правоту, хотя открыто ни разу не сказал мне об этом. Шкипер просто не учел того обстоятельства, что мы, выполняя секретную миссию, прокладывали курс, избегая проторенных морских путей.

– Мы, молодые офицеры, да и не только молодые, не раз обсуждали случай, когда Лисянский на «Неве» во время нашего первого кругосветного плавания на переходе из Новохарьангельска в Макао в Китае ночью на полном ходу выскочил на песчаный остров, не обозначенный на карте, – думал о чем-то о своем Фаддей Фаддеевич. – Попытки стащить шлюп с помощью верпа закончились неудачей. К тому же в открытом океане практически отсутствуют приливы, которые можно было бы использовать для этой цели. Это тебе, к примеру, не северо-восточные заливы Охотского моря, где, как ты мне рассказывал, они достигают тридцати футов (около десяти метров), а то и более. Поэтому Лисянский приказал выбросить за борт все, что плавает, предусмотрительно привязав ко всем этим предметам буйки. И, сосредоточив команду на корме, в течение почти суток посменно пытался сдернуть судно с острова шлюпками, измотав и себя, и команду. И, надо отдать ему должное, все-таки добился своего. А потом еще несколько часов собирал выброшенные за борт предметы, успевшие рассредоточиться за это время на значительное расстояние, – и тяжело вздохнул. – А теперь такие же пересуды ожидают и меня...

– Ожидают, – не стал отрицать Андрей Петрович, – но в том плане, что если бы, мол, не было этого недоразумения, то Беллинсгаузен, скорее всего, не открыл бы Южный материк.

– Как так?! – опешил Фаддей Фаддеевич.

– Да очень просто. Этот случай, по их мнению, научил его, то есть тебя, Фаддей, осторожности, и он не стал гнать шлюп по ночам и в плохую видимость под всеми парусами, забывая об опасностях ледовой обстановки, грозящих катастрофой для экспедиции, а заодно и о Лазареве, который на своем более тихоходном «Мирном» болтается за кормой «Востока», извини, как дерьмо в проруби, чтобы, не дай бог, не отстать от флагмана. Вот так-то, друг любезный. И ничего более...

Фаддей Фаддеевич молча уставился в одну точку, думая тяжелую думу, и вдруг схватился за колокольчик.

– Старшего офицера ко мне! Срочно! – приказал он появившемуся, как тень, вестовому.

В дверь осторожно постучали, и в каюту протиснулся встревоженный старший офицер.

– Вызывали, Фаддей Фаддеевич? – настороженно спросил он.

– Проходите, Иван Иванович. Я хотел бы поручить вам дать инструкции вахтенным офицерам, чтобы они в ночное время или в условиях плохой видимости вели шлюп с убавленным количеством парусов. От датских проливов до Портсмута мы пойдем раздельно с «Мирным», и это будет для них хорошей тренировкой. А после Портсмута Лазареву в этих условиях будет легче держать строй кильватера. Каково ваше мнение?

Андрей Петрович усмехнулся: «Молодец, Фаддей! Ишь как прикрыл свою осторожность, вдалбливаемую в него мной, заботой о Лазареве. Комар носа не подточит!»

– Безусловно вы правы, Фаддей Фаддеевич, и ваше указание будет исполнено.

Капитан пристально посмотрел на старшего офицера, улыбнулся и неожиданно предложил:

– А не желаете ли выпить, Иван Иванович, дабы снять напряжение сегодняшнего суматошного дня?

Старший офицер неопределенно переступал с ноги на ногу, несколько смущенно поглядывая на Андрея Петровича.

– А что я вас, собственно говоря, спрашиваю? – удивился сам себе капитан. – Подсаживайтесь к столу, прошу вас. Только, пожалуйста, не забывайте, что мы стоим на якоре в гавани, и теперь вы полный хозяин на шлюпе. А посему постарайтесь особо не нажимать на горячительное. Мы же с Андреем Петровичем, уж так и быть, страдаем за вас... Кстати, – повернулся он к хозяину каюты, – будьте добры, распорядитесь о сервировке стола.

Андрей Петрович вызвал вестового и подошел к двери, чтобы дать ему соответствующие указания. Вполголоса он стал перечислять, что, по его мнению, должно быть на столе.

– Что вы там шушукаетесь?! – не выдержал Фаддей Фаддеевич, – накрыть стол по полной программе! Макар знает, как, – уточнил он.

И вестовые бросились «ставить на уши» и коков с камбуза, и вестовых из буфета кают-компания. Еще бы! Ведь отцы-командиры в первый раз после выхода из Кронштадта решили отдохнуть по-человечески...

* * *

Вестовые, накрыв стол, укрылись в каморке Матвея, готовые в любую минуту кинуться в адмиральскую каюту на звон колокольчика.

– Что-то капитан сегодня прямо-таки рвет и мечет, рвет и мечет? – тревожно посмотрел Матвей на Макара.

– А что, мы каждый день садимся на мель? – вопросом на вопрос недовольно ответил Макар.

– А-а-а!..

– Бэ-э-э!.. Я с нашим капитаном плаваю не первый год и вижу, как он переживает случившееся. Несколько лет тому назад мы еще на фрегате «Минерва», которым тогда, до «Флоры», он командовал, пошли на юг, к турецким берегам, но почти в самом центре Черного моря попали в страшный шторм, настоящую бурю. Страсть-то какая, вспоминать страшно!.. Корабль швыряло из стороны в сторону, как щепку. И вдруг, накрытый огромной волной, он лег на правый борт. Мачты с парусами, правда, зарифленными, в кипящей воде. Ну, все, конец!.. А капитан наш не растерялся и, используя силу волн, сумел-таки поставить фрегат на ровный киль.

Когда вернулись в Севастополь, адмирал де-Траверсе, командовавший тогда на Черном море, а теперь морской министр, не знал, как и областить его. Еще бы! И корабль спас от неминуемой гибели, и всю команду, – Макар призадумался. – Может быть, помня это, как поговаривали, он и поддержал нашего капитана при назначении на должность началь-

ника экспедиции. Хотя, кто его знает?.. – мудро рассудил он. – А тут на тебе – конфуз на ровном месте... Вот он и рвет и мечет.

Вестовые помолчали, переживая за своего капитана.

– А наш капитан, Фаддей Фаддеевич, – продолжал Макар, – тогда, в бурю, чуть ли ни пинками прогнал с мостика мичмана, вахтенного офицера, который, как рассказывают, умудрился поставить фрегат левым бортом к волне, и та, не мешкая, как игрушку, положила его на правый борт. После этого я что-то того мичмана и не видал... – И вдруг, отвлекаясь от воспоминаний, с надеждой посмотрел на Матвея. – Может быть, твой барин его успокоил? Ведь как-никак старые друзья, еще с Крузенштерном вместе хаживали по морям, по океанам. Мы же ведь с тобой только и успеваем что таскать туда-сюда кресло из капитанской каюты. Не зря же он приказал накрыть стол по полной программе? Да еще вызвал к себе старшего офицера. Я же знаю, что обычно так он делал при хорошем настроении...

– Может, и успокоил. Я слышал, как капитан нахваливал моего Андрея Петровича.

– Ты что, подслушивал их разговоры?! – с испугом, отшатнувшись, спросил Макар.

– Да нет, что ты, как можно! Просто как-то во время их беседы Андрей Петрович вызвал меня по какой-то надобности, и я краем уха и услышал об этом.

– Смотри, Матвей! Ты раньше служил вестовым в кают-компании, а это совсем другое дело. Там только и знай, что сервировать стол, да вовремя подавать кушанья господам офицерам... А здесь ты в прислуге у самого господина почетного ученого, да еще друга начальника экспедиции. И если что не так, спишут тебя, как миленького, в вахтенную смену, и будешь ты своими беленькими ручками шкоты сучить, да на реях, на самом ветрище, рифы на парусах подвязывать и со слезами на глазах вспоминать свою прежнюю службу. Вот так-то, брат, такова наша матросская доля...

– Я это, Макар, понимаю, даже очень хорошо понимаю!.. А ведь мой барин, – с гордостью поведал Матвей, – не только ученый, но и гвардейский офицер!

– Да ты что?! – изумился Макар. – Откуда-то знаешь? – недоверчиво спросил он, пораженный столь необычным известием.

– От верблюда! – торжествуя, с оттенком превосходства ответил Матвей. А затем пояснил: – Когда разбирал его вещи, то и обнаружил гвардейский мундир тонкого сукна, видать, только что пошитый. Самого лейб-гвардии Преображенского полка поручик! Личной охраны государя! Во как...

– Ну и ну! – продолжал удивляться Макар.

– А офицерская шпага, знаешь какая?! Эфес золоченый, а на нем самоцвет. Сапфир, по-моему. По всему видать, не последнего достатка человек...

– А мой капитан с нищими и не водится! – заступился за своего барина Макар. Затем, пересилив стеснение, все-таки спросил: – А сапфир-то этот, он какой из себя?

– Синий такой самоцвет, но прозрачный и переливается на свету блестками разными. Красота!.. Я тебе как-нибудь, когда ниши господа будут в отсутствии, покажу его офицерскую шпагу. А я-то ведь в свое время на эти драгоценные камни у графа Шереметева насмотрелся... Только не обижайся на меня, Макар. Я говорю все, как есть на самом деле, не привирая.

А Андрей Петрович относится ко мне, слава Богу, хорошо. Как-то попросил у него какую-нибудь книгу почитать на досуге. Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом – я даже оробел – и всунул мне в руки какую-то книжицу. Я шасть из каюты от греха подальше и уже у себя в каморке рассмотрел, что это пособие по изготовлению чучел зверей и птиц разных. А я еще в имении графа Шереметева принимал участие в подготовке разного реквизита для его театра и имел некоторое представление по этому делу. Ну и зачитался, раз сам барин вроде бы как приказал.

А однажды увидел на палубе шлюпа чайку бездыханную. Наверное, со всего маху зацепила снасти корабельные и разбилась насмерть, несчастная. Поднял ее, удалил все внутренности с костями, как положено, заодно и головку почистил. Подсушил шкурку, изготовил каркас из проволоки, взятой у баталера (ох и жадина, скажу я тебе, – пока не сослался на приказ Андрея Петровича, все мялся: дать или не дать...). Набил чучело пенькой, зашил аккуратненько, расправил перышки, клювик чуть-чуть приоткрыл для живости. Прикрепил к подставочке, изготовленной плотником по моей просьбе и покрытой лаком... Получилось вроде бы как и ничего, и с бьющимся сердцем пошел показывать свою работу Андрею Петровичу.

А тот как увидел чучело, так чуть ли не расплакался от радости. И так его покрутит и эдак. «Да у тебя, – говорит, – Матвей, золотые руки! – и поставил чучело на книжный шкаф. – А сможешь ли чучело морского зверя сделать, к примеру, тюленя?» – спрашивает. Я так и опешил. Не знаю, мол, но могу попробовать. Только для этого потребуется много толстой проволоки для каркаса и пеньки. «Проволоку, причем специальную, закупим в Копенгагене, а с пенькой, сам понимаешь, проблем не будет». И с тех пор, Макар, я почувствовал, что Андрей Петрович стал ко мне как-то по-другому относиться, ну, не просто как к прислуге. А мне страшно – вдруг, что сделаю не так, не оправдаю его доверия, – и тревожно посмотрел на Макара.

– Оправдаешь, Матвей, обязательно оправдаешь, – успокоил тот товарища. – У тебя, видать, талант по этой части, – вздохнул Макар, видимо, сожалея, что у него, как ни крути, такого таланта не просматривается...

Тут раздался звонок колокольчика, и Матвей метнулся к дверям адмиральской каюты.

* * *

Узнав, что полномочный министр и чрезвычайный посланник нашего двора в Дании, барон Николай, возвратился из загородного дома, Беллинсгаузен с Лазаревым собрались поехать к нему.

– Ну что, Андрюша, готовься встречать своих помощников-натуралистов, – бодро сказал Фаддей Фаддеевич перед отъездом. – Посмотрим, что это за гуси такие иноземные... Мы пришли в Копенгаген первыми, поэтому выбирать ученого в нашу экспедицию будешь по своему усмотрению.

– Дай-то бог, Фаддей! Удачи! – напутствовал его Андрей Петрович.

* * *

Из поездки Фаддей Фаддеевич вернулся мрачнее тучи.

У Андрея Петровича, с нетерпением ожидавшего его возвращения, засосало под ложечкой...

– Вот сволочи! Трусы! – негодовал капитан, стараясь не встречаться с его взглядом, широким шагом меряя адмиральскую каюту.

И только несколько успокоившись, уже спокойнее пояснил:

– Наш посол получил от натуралистов Мертенса и Кунца, приглашенных для участия в наших экспедициях, письма, коими те отказываются от сопутствия с нами, ибо им, видите ли, было дано очень мало времени для заготовления всего нужного к сему путешествию и чтобы потом поспеть в Копенгаген к нашему приходу. Вот так-то, Андрюша! Без ножа зарезали...

– Кто его знает, может быть и так, – задумчиво произнес тот, – а вполне возможно, что им и «порекомендовали» отказаться от участия в экспедициях, чтобы если и не сорвать их, то хотя бы значительно ослабить.

– Может быть и так... Вполне может быть. Тогда тем более преступно! – опять начал «заводиться» Фаддей Фаддеевич. – Засели в Академии наук эти иноземцы-академики с толстыми задами и, знай, гнут свою линию. Им, видишь ли, в экспедициях обязательно надобны немецкие натуралисты, коим дороги лишь их амбиции, а интересы нашего Отечества им как-то и ни к чему. Ведь были же кандидатуры двух студентов по естественной истории, знающих, толковых молодых людей, готовых идти с экспедициями хоть на край света. Так нет же, предпочтение отдали каким-то немецким натуралистам, которые, видите ли, по их мнению, являются более знающими, а на самом деле оказавшимися просто трусами, испугавшимися опасностей плавания в полярных льдах.

Ну ладно, Петр Первый заманивал в Россию иноземных ученых, потому как просто-напросто не было своих. И это было оправдано. Но за сто лет появилась уже своя, российская поросль, а пробиться ей в свою же, российскую, Академию наук практически невозможно. Спасибо Михаилу Васильевичу Ломоносову, благодаря которому наконец-то среди академиков стали появляться русские имена. Но ведь Ломоносов-то самородок, талант от Бога...

– Не будь протекции всесильного графа Шувалова только и видели бы мы Михаила Васильевича в академии со всеми его талантами, – перебил разгоряченного Фаддея Фаддеевича Андрей Петрович.

– Кстати, ты, случайно, не состоишь с ним в каком-либо родстве? – как бы невзначай спросил тот.

– Нет, у нас разные родовые корни. Просто однофамилец.

– Жаль. Очень жаль. Ведь трудно же своим лобиком пробивать себе дорогу в жизни. Хотя пробивали же, Андрюша! Взять хотя бы Федора Матвеевича Апраксина³, петровского генерал-адмирала, или, допустим, Александра Даниловича Меншикова⁴, или, наконец, светлейшего князя Григория Александровича Потемкина⁵...

– Светлейший князь, как известно, пробивал себе дорогу не только одними талантами, – улыбнулся Андрей Петрович.

Фаддей Фаддеевич хохотнул.

³ Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728) – сподвижник Петра I, граф (1709), генерал-адмирал. С 1682 г. стольник Петра I, участник создания «потешного войска». С 1714 г. командовал галерной флотилией, отличившейся в сражении при Гангуте. С 1718 г. президент Адмиралтейств-коллегии. Пользовался большим доверием Петра I и был способным исполнителем его приказов.

⁴ Меншиков Александр Данилович (1673–1729) – русский государственный и военный деятель, граф (1702), светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Сын придворного конюха. С 1686 г. денщик Петра I. Преданность и усердие, незаурядные военные и административные способности выдвинули Меншикова в число самых близких сподвижников Петра I. Во время отъездов Петра I возглавлял управление страной. Отличался непомерным корыстолюбием и тщеславием. После смерти Петра I, опираясь на гвардию, 28 янв. 1725 г. возвел на престол Екатерину I и стал фактическим правителем России. Сразу после смерти Екатерины I 25 мая 1727 г. обручил свою дочь Марию с внуком Петра I – Петром II. Однако враждебные Меншикову представители старой аристократии – князья Голицыны и Долгорукие сумели повлиять на юного Петра II таким образом, что 8 сент. 1727 г. Меншиков был обвинен в государственной измене и хищении казны и вместе с семьей сослан в Берёзов с конфискацией всего его огромного имущества.

⁵ Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1784). Родился в семье офицера. За участие в дворцовом перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину II, получил чин подпоручика гвардии. После сближения с Екатериной II (1770) возведен в графское достоинство. Личное расположение Екатерины II, высокое положение при дворе и в государственном аппарате сделали Потемкина самым могущественным человеком в стране. В 1783 г. реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получив за это титул светлейшего князя. Делая быструю и блистательную карьеру, Потемкин стремился не только к удовлетворению своего тщеславия и к обогащению, но и к укреплению международных позиций России, к развитию ее экономики.

– Одно другому не помеха. Дай бог, нам с тобой, Андрюша, обладать такими же способностями...

– Не плачься, Фаддей, ты и так многого достиг. А найдешь Южный материк – войдешь в историю.

– В историю я, может быть, с Божьей помощью и войду, а вот тебе, Андрюша, похоже, уж точно придется исполнять обязанности натуралиста. Правда, я сразу же попросил барона Николаи постараться отыскать в Копенгагене охотника занять эту должность. И он обещал исполнить мою просьбу, – попытался успокоить его Фаддей Фаддеевич.

– Ну что же, Фаддей, нам остается только ждать, – заметил Андрей Петрович, – ведь утопающий хватается и за соломинку...

* * *

Однако уже перед самым выходом экспедиции из Копенгагена посол объявил, что хотя и нашел одного молодого натуралиста, который согласился на сделанное ему предложение, но родственники не решились его отпустить и увезли на время за город. Последняя надежда рухнула... И перед друзьями во всей своей безысходности встал извечный русский вопрос: «Что делать?»

Фаддей Фаддеевич в глубокой задумчивости мерил шагами адмиральскую каюту, ища выход из создавшегося, казалось бы, на ровном месте глупейшего положения.

– Эх, был бы с нами Григорий Иванович... – почти с тоской мечтательно промолвил Андрей Петрович. – Какие бы тогда могли быть вопросы? У меня в экспедиции в Новую Зеландию был швейцарский натуралист Георг Вильгельм. Ты, Фаддей, видел у меня дома его рисунок с вождем туземцев, – тот согласно кивнул головой. – Неплохой был ученый, но я бы при всем желании не смог бы поставить его рядом с Григорием Ивановичем.

При этих словах Фаддей Фаддеевич оживился.

– Наш друг господин Лангсдорф сейчас генеральный консул в Рио-де-Жанейро, – Андрей Петрович удивленно вскинул брови. – Да, да, Андрюша, это так. Дай Бог, мы с ним еще встретимся. Но ты с ним, как я хорошо помню, участвовал и в восхождении на Тенерифский пик, и в обследовании Нукагивы. Поэтому я предполагаю, что ты успел за это время многое почерпнуть из его энциклопедических знаний. Кроме того, ты приобрел неоценимый опыт, обследуя со своей экспедицией залив Аляска, за что, кстати, в купе с результатами вышеперечисленных мною путешествий, тебя и избрали почетным членом Петербургской академии наук. Да и Южный остров Новой Зеландии успел посетить явно не из любопытства. А твои выводы по возможности обнаружения Южного материка с использованием разработанных тобой признаков, окончательно убедили меня в том, что ты, Андрюша, вполне готов для выполнения обязанностей натуралиста нашей экспедиции. Я могу оформить это и приказом как совместительство.

– Молодец, Фаддей, завидую тебе! Вначале ты сосватал меня быть твоим помощником по ученой части, на что я был вполне согласен, а теперь пытаешься мной заткнуть дырку в штатном расписании экспедиции, образовавшуюся благодаря в том числе и тебе как ее начальнику.

– Ты не справедлив, Андрюша, прекрасно зная, что у меня просто не было времени заниматься этими вопросами!

– Не лукавь, Фаддей! Ты был настолько рад тому, что тебя назначили начальником экспедиции, что боялся настаивать на своем мнении при решении тех или иных вопросов, чтобы не испортить отношения с начальством. Однако ты нашел время, чтобы доказать необходимость введения должности своего заместителя по ученой части и сохранить ее именно для меня, так как ты был в этом лично заинтересован. Но ты не настаивал на том, чтобы

взять в экспедицию хотя бы одного натуралиста из числа русских студентов по естественной истории. Ведь так?

Фаддей Фаддеевич тяжело вздохнул.

– Ты прав, Андрюша, но частично. Мне на самом деле не пришло в голову взять в экспедицию хотя бы одного из русских студентов. А это, наверное, можно было сделать. Просто не хватило твоей головы. Потому-то я и бился за твое участие в экспедиции. Тем не менее дело сделано, и нам, я подчеркиваю именно нам, и никому другому придется его расхлебывать.

– Вот здесь ты прав, Фаддей. Я, конечно, попытаюсь выполнять обязанности натуралиста и постараюсь сделать это как можно лучше, но о каком-либо совместительстве не может быть и речи. Будем считать, что выполнение обязанностей натуралиста входит в круг моих обязанностей по моей основной должности. Договорились?

Фаддей Фаддеевич молча подошел к Андрею Петровичу и благодарно обнял его.

– Меня вот только волнует недостаток у нас литературы по этим вопросам, – озадаченно пожаловался новоиспеченный натуралист. – Слава Богу, что Академия наук снабдила нас полным собранием Британской энциклопедии, и кое-какой литературой по естественной истории, но этого, к сожалению, будет явно недостаточно. А покупать книги наобум, авось что и пригодится, не гоже, да к тому же и расточительно.

– Не волнуйся, Андрюша, – успокоил его Фаддей Фаддеевич. – Ты, наверное, забыл, что в Рио-де-Жанейро мы встретимся с Григорием Ивановичем и он, несомненно, разрешит все эти волнующие нас вопросы.

– Спасибо, Фаддей, – благодарно улыбнулся Андрей Петрович, – я действительно из-за расстройства упустил это из вида. Стало быть, будем жить!..

Глава 2. Атлантика

Покинув Копенгаген и проходя остров Вен, внимание стоящих на мостике «Востока» привлекло множество народа, собравшегося возле небольшого дома, с виду похожего на церковь.

– Обратите внимание, Фаддей Фаддеевич, что идущий из Копенгагена к острову пароход, а также и многочисленные шлюпки полны людей. К чему бы это? – удивился Иван Иванович.

Капитан вопросительно посмотрел на Андрея Петровича, но тот молча пожал плечами. Их недоумение рассеял лоцман, бывший на борту шлюпа, рассказав любопытствующим, что на этом месте находилась первая обсерватория астронома Тихо-Браге. И чтобы оно осталось известным и в будущих веках, признательные датчане построили здесь вот этот самый дом, около которого ежегодно 19 июля бывает гуляние. Таким образом, память об этом знаменитом астрономе, который умер в 1601 году, сохраняют не только упражняющиеся в науках, но и все население датского королевства.

– Вот, господа, – обратился Фаддей Фаддеевич к находящимся на мостике, – доказательство того, насколько датчане уважают просвещение. Это, кстати, относится и ко всем просвещенным европейским государствам.

– Да, есть с кого брать пример... – задумчиво произнес Андрей Петрович.

* * *

21 июля, выйдя в Немецкое море, Беллинсгаузен назначил Лазареву randevu в Портсмуте и приказал прибавить на «Востоке» сколько возможно парусов, и тот стал быстро удаляться от «Мирного». Попутный ветер, и прекраснейшая погода благоприятствовали этому.

При входе на Портсмутский рейд офицеры по обыкновению еще издали в подзорные трубы рассматривали линейные корабли и фрегаты английской эскадры, стоявшие на якорях.

– Хоть наши корабли, пожалуй, и не хуже, но все-таки уступают британцам по красоте, – вздыхали они.

– Всеу свое время. Дай Бог, научимся красиво строить и мы.

– А ведь, между прочим, открывать южные земли идем-то мы, а не англичане...

И лица офицеров просветлели.

– Не дай бог, отыщем Южный материк, так англичан прямо-таки кондрашка хватит! – заодно рассмеялся мичман Дмитрий Демидов, самый молодой офицер шлюпа.

В полночь шлюп «Мирный» положил якорь близ «Востока».

За несколько дней до этого в Портсмут на своей яхте прибыл принц-регент (впоследствии король Георг IV). Его яхта была богато вызолочена, окружаемая военными судами и множеством зрителей на прекрасных ботиках, шлюпках и яликах.

– Да... Такую живописную картину можно увидеть только в Англии! – восхищенно произнес Фаддей Фаддеевич, обводя взглядом своих офицеров.

– Потому как Британия – «владычица морей», – подтвердил слова капитана Иван Иванович.

При каждом разе, когда яхта с принцем-регентом проходила мимо шлюпов, ставили матросов по реям, которые кричали семь раз «ура!» и салютовали двадцатью одним пушечным выстрелом.

* * *

Фаддей Фаддеевич сообщил Андрею Петровичу, что собирается с некоторыми офицерами ехать в Лондон, чтобы приобрести секстаны и другие навигационные инструменты, а также необходимые книги и карты, которых в Портсмуте в достаточном количестве не оказалось. И пригласил его принять участие в этой поездке, на что тот с удовольствием согласился.

Хотя в Лондоне было много дел, связанных с немалыми затруднениями, однако участники поездки имели и досужие часы, чтобы осмотреть достопримечательности столицы, как-то: церковь Св. Павла, готическое здание Вестминстерского аббатства со всеми находящимися в нем редкостями, Тауэр, или древнейшую Лондонскую крепость, вокзал и театры.

Фаддей Фаддеевич на всякий случай просил графа Ливена (русского посла в Лондоне) приискать натуралиста, который бы согласился отправиться с экспедицией, но дело кончилось тем, что, приобретя все нужное для шлюпов, пришлось отправиться в дальнейшее плавание без него.

В случае разлуки от бурь или туманов, Беллинсгаузен назначил Лазареву место соединения шлюпов на рейде Санта-Крус на острове Тенерифе, где надлежало запастись вином как для нижних чинов, чтобы разбавлять им питьевую воду, которая при длительном хранении приобретала болотный привкус, так и для офицеров.

В 5 часов пополудни 26 августа все гребные суда были подняты, и по сигналу приехал лоцман. Снявшись с якоря, шлюпы вступили под паруса.

* * *

Выйдя из Английского канала (пролива Ла-Манш), Фаддей Фаддеевич приказал штаб-лекару Берху осмотреть матросов, дабы узнать, нет ли у них каких наружных болезней. Берх весьма обрадовал капитана, удостоверяя, что на шлюпе «Восток» нет ни одного человека чем-либо зараженного. Это можно было считать великою редкостью, ибо в Англии больше, нежели где-нибудь, развратных прелестниц, особенно в главных портах. Так, например, капитан Крузенштерн, во время своего путешествия вокруг света, заходил не в Портсмут, а в Фальмут, для того чтобы избежать этой заразы, потому как в Фальмут заходят только пакетботы, отправляемые в разные места, и поэтому в городе меньше распутных женщин.

Лазарев же уведомил Беллинсгаузена, что трое из лучших его матросов заражены, однако медик-хирург Галкин обнадежил в скором времени их вылечить. Это было очень важно, ибо сам по себе способ лечения ускоряет зарождение цинги.

— Вот проблема, Андрюша! Да черт бы с ней, с этой заразой! Но она, понимаешь ли, способствует развитию цинготной болезни, а мне в Адмиралтейств-коллегии прямо-таки все уши прожужжали: цинга, цинга, цинга... Да это и понятно — идем-то во льды...

— Да что ты так убиваешься, Фаддей! Закупи в Рио-де-Жанейро побольше свежих фруктов, и все дела.

— Ученый ты, конечно, человек, Андрюша, да, видать, не совсем, — укоризненно посмотрел на него Фаддей Фаддеевич. — Сколько же они могут храниться, эти самые фрукты? Пока обследуем остров Южная Георгия да землю Сандвичеву и подойдем ко льдам антарктическим, они как раз и кончатся. Вот нам бы побольше той черемши, которую вы с Григорием Ивановичем собирали где-то под Петропавловском на Камчатке, тогда было бы совсем другое дело.

— Черемши в Бразилии, конечно, нет, — улыбнулся Андрей Петрович, — а вот лимонов — хоть завались! И хранятся долго, и против цинги средство, не хуже черемши. Англичане

уже с полсотни лет употребляют их в дальних плаваниях, а мы только и знаем, что бубним: цинга, цинга...

– Это на самом деле так? – недоверчиво спросил тот.

– Конечно, так. Григорий Иванович тебе скажет то же самое.

– Ну, спасибо тебе на добром слове! – повеселел Фаддей Фаддеевич.

– Только, ради бога, не говори, что бы ты без меня делал, – рассмеялся Андрей Петрович.

– Ну и язва же ты, однако, Андрюша!..

* * *

По опыту первого кругосветного плавания Андрей Петрович уже знал, что самые подходящие условия для литературной деятельности будут складываться в период после выхода шлюпов в Атлантический океан и до прибытия в Рио-де-Жанейро. А так как творческие дела с обоснованием признаков обнаружения земель в Антарктике были в общих чертах уже завершены, то он наконец-то смог приступить к обработке материалов, накопившихся за долгие шестнадцать лет.

Решив начать с подготовки описания своих путешествий, он в то же время делал наброски первых глав своего приключенческого литературного произведения. Однако, работая по десять – двенадцать часов в сутки, Андрей Петрович к своему ужасу вдруг обнаружил, что оба его произведения почти как две капли воды похожи друг на друга. Потрясение было так велико, что он на некоторое время решил вообще забросить свои творческие дела, пытаясь понять причину происшедшего.

Проводя теперь большую часть времени на мостике шлюпа или на его палубе, даже похудел и осунулся, переживая. Одним словом, наступил так знакомый всем литераторам творческий кризис. Это заметил наблюдательный Фаддей Фаддеевич и, видимо, интуитивно понявший состояние друга, как-то вечером подошел к нему и, взяв под ручку, провел в его каюту.

– Что-то неважно выглядишь, Андрюша, что с тобой? – тот неопределенно пожал плечами. – Все ясно. Диагноз – творческая хандра! – безапелляционно заявил Фаддей Фаддеевич. – Будем лечиться! – и позвонил в колокольчик.

– Накрыть стол! Но скромно, по малой программе! – уточнил капитан.

– Есть накрыть стол! – глаза Матвея радостно засветились.

– Опять радуешься, шельма? – вполне добродушно спросил капитан.

– Так точно, ваше высокоблагородие! Радуюсь за их высокоблагородие Андрея Петровича!

– А что так?

– У них который день грусть на лице. Хотел уже обратиться за помощью к вам, ваше высокоблагородие.

– Почему же не обратился?

Вестовой молча переступил с ноги на ногу.

– Побоялся... – ухмыльнулся Фаддей Фаддеевич. – Вот что, Матвей. Это для тебя я капитан, первый после Бога человек на шлюпе, а для Андрея Петровича – друг, первый друг на этом свете. А посему обращай ко мне по его поводу без всякой боязни в любое время дня и ночи. Понял?!

– Так точно, понял, ваше высокоблагородие! – просиял Матвей.

Он, как, впрочем, и все на шлюпе, прекрасно знал, что только старший офицер, не считая, само собой, Андрея Петровича, пользовался такой привилегией, а тут на тебе...

– Ступай! Да пошевеливайтесь там с Макаром! Распустил я вас, окаянных! – ворчливо напутствовал его капитан.

Пока вестовые споро накрывали стол, друзья сидели молча, думая каждый о своем. Когда же Матвей вопросительно глянул на Андрея Петровича, тот повернулся к Фаддею Фаддеевичу:

– Мадера?

И тот кивнул головой в знак согласия.

Отпив из фужеров, закусили фруктами, которые соблазнительно поблескивали каплями влаги, как будто орошенные утренней росой. «Матвей расстарался», – отметил Андрей Петрович.

– Так что у тебя за проблемы, Андрюша? – любопытствовал Фаддей Фаддеевич.

И Андрей Петрович поделился с ним волновавшими его вопросами.

– Эх, мне бы твои заботы, литератор... – вздохнул капитан. – Как говорится, за двумя зайцами погонишься... – и задумался. – А что тебе ближе, Андрюша, «Описание...» или «Приключения...»?

– Наверное, «Приключения...», – подумав, ответил тот.

– И это почему же?

– Дело в том, Фаддей, что «Описание...» требует строжайшего соблюдения последовательности и учета всех фактов, в то время как «Приключения...» не отрицают возможности свободного изложения этих же фактов и их интерпретации, плюс авторский вымысел и полет фантазии, плюс возможность выражения своей точки зрения на те или иные проблемы, разумеется, в пределах общего замысла произведения. Конечно, это труднее, но зато плодотворнее. Наверное, где-то так...

– Ну вот, все, оказывается, уже и решено. А ты, знай, заладил: творческий кризис, творческий кризис... Никакого кризиса, дорогой мой друг! Пошли к чертовой матери «Описание...» и сосредоточься на «Приключениях...» И тогда я буду уверен, что к концу нашего кругосветного плавания ты будешь иметь на руках готовую к изданию рукопись приключенческого произведения. А «Описание...» можешь оставить до лучших времен, если только у тебя появится желание вообще его писать, в чем я очень и очень сомневаюсь. Вот так-то, свет Андрюша! Дай я тебя благословлю на творческий подвиг... – и Фаддей Фаддеевич осенил Андрея Петровича крестным знаменем.

Литератор чуть ли не прослезился. Во всяком случае, когда он разливал по фужерам золотистую мадеру, рука его слегка подрагивала.

* * *

На морских просторах взорам мореплавателей постоянно представляются только вода, небо и горизонт, а потому всякая, хоть и маловажная, вещь привлекает их внимание.

Чтобы смыть лишнюю соль с солонины и чтобы она стала лучше для употребления в пищу, Беллинсгаузен приказал предназначенное команде ее количество на день класть в специально сплетенную из веревок сетку, которую подвешивать на бушприте так, чтобы солонина при колебании и ходе шлюпа беспрестанно обмывалась бы новой водой. Этим способом соленое мясо вымачивается весьма скоро и многим лучше, чем обыкновенным мочением в кадке, при котором в середине мяса все еще остается немало соли, способствующей возникновению цинготной болезни. Крузенштерн, например, во время плавания вокруг света, употреблял это же средство.

И вот все свободные от вахты матросы сбежались на бак, чтобы полюбоваться хищными повадками акулы длиной около девяти футов, которая непременно хотела полако-

миться частью солонины, подвешенной в веревочной сетке под бушпритом для вымачивания.

– Ишь, стерва, что вытворяет! – изумлялись одни.

– Ату его, ату! – весело науськивали другие.

– Накось, выкуси! – торжествовали трети, видя бесплодные попытки акулы, и со смехом показывали ей кукиш.

– Ну и настырна же, братцы! Так и вьется, так и выпрыгивает, так и щелкает своими зубьями...

Однако неоднократные попытки морской хищницы отхватить своими острыми, как бритва, зубами лакомый и такой, казалось бы, близкий кусок солонины оказывались, увы, бесплодными.

– А ну-ка, расступись, братцы, сейчас мы ее враз успокоим! – с азартным блеском в глазах расталкивал матросов квартирмейстер боцманской команды, держа в высоко поднятой руке острогу, привязанную к тонкому линю.

– Врежь ей, Петрович, по число по первое, чтобы знала впредь, вражина, как обижать российских мореходов! – одобрительно загудели матросы, тоже загораюсь азартом столь необычной охоты.

Квартирмейстер уперся ногой в бушприт, широко размахнулся и с силой метнул острогу в акулу, которая как раз в очередной попытке выпрыгнула из воды. Раздался хряск, и вода обагрилась кровью.

– Ура! – торжествуя пронеслось над баком. – Ай да молодец, Петрович! Угодил острой прямо в спину...

Акула дернулась раз, дернулась два, а затем, собрав, видимо, все силы, рванула в сторону от шлюпа, и острога с кусками мяса на ее зубьях ушла под воду, сопровождаемая общим вдохом разочарования.

– Не жилец она, конечно, – заключил плотно сбитый унтер-офицер, почесывая затылок, – но мы-то ведь остались без ушицы... Опять придется, братцы, трескать щи с солониной.

* * *

13 сентября при заходе солнца открылся пик на острове Тенерифе, самом большом из Канарских островов, находившегося в это время в девяноста четырех милях (около 174 километров) от шлюпов, и через сутки «Восток» и «Мирный» положили якоря на том самом месте, где за шестнадцать лет перед этим Крузенштерн стоял на якорях со своими шлюпами.

Андрей Петрович с душевным трепетом всматривался в очертания Тенерифского пика, затмившего своей громадой чуть ли не полнеба. «Ну здравствуй, красавец! Не надеялся уж больше и увидеть тебя так близко, – шевелил он губами. – А на вершину твою мы с Григорием Ивановичем так и не попали, но нашли нечто большее, на что и не рассчитывали. Спасибо тебе за свою тайну, которую ты сохранил для нас...»

Вскоре к шлюпу «Восток» под испанским флагом подошла шлюпка с капитаном порта королевского флота лейтенантом дон Меза, который задал обыкновенные вопросы: откуда, куда, нет ли больных и прочее. Затем лейтенант объявил, что в Кадисе (порт на юго-западе Испании) свирепствует заразная болезнь и, предостерегая нас, сказал, что лавирующие близ Санта-Крус две бригаантины пришли оттуда, но правительством в порт не были допущены.

Помня о переживаниях Крузенштерна по поводу обмена салютами, Беллинсгаузен, чтобы не попасть впросак, послал мичмана Демидова к губернатору, генерал-лейтенанту шевалье де Лабуриа, уведомить о причине прибытия шлюпов и переговорить об обмене

салютами. Демидов, возвратясь с берега, доложил, что губернатор очень вежливо его принял и уверил, что крепость будет отвечать выстрелом за выстрел, почему «Восток» салютовал из семи пушек, а крепость, на которой был поднят флаг, отвечала равным числом.

Утром следующего дня капитаны ездили на берег с визитом к губернатору. Вернувшись из поездки, Фаддей Фаддеевич делился впечатлениями с Андреем Петровичем.

– Принял он нас с отличной приветливостью, изъявил готовность вспомоществовать во всем и сказал, что имеет на то повеление от своего правительства. Затем присовокупил, что ему очень хорошо известно неподражаемое гостеприимство россиян, и он крайне рад, что на старости лет своих еще имеет случай быть им полезен.

Мы удивились, увидев в числе многих орденов, его украшающих, российский военный орден Св. Георгия четвертой степени. Почтенный старец предупредил наше любопытство, сообщив, что находился в российской службе в царствование императрицы Екатерины Второй, был в сражении против шведов под началом принца Нассау и участвовал в победах фельдмаршала Румянцева, о котором многое рассказывал. Восхищался воспоминанием, что крест за храбрость и заслуги получил из рук самой государыни.

При прогулках по городу Фаддей Фаддеевич носил в кармане искусственный магнит, которым касался земли в разных местах на улицах, и всегда обнаруживал множество железных частиц, пристававших к нему. Поделившись с Андреем Петровичем этим удивившим его наблюдением, приказал по его совету привезти на шлюп песок, выбрасываемого морем на берег, из разных его мест. Проведя вместе опыты, убедились, что он также наполнен такими же частицами.

На основании этого дружья пришли к выводу, что, вероятно, и весь вулканический остров содержит подобные железные частицы, и, следовательно, всякое испытание, связанное с использованием магнитной стрелки на его берегах, не принесет никакой пользы. Таким образом, давным-давно открытый остров Тенериф преподнес русским путешественникам еще одну загадку.

Достойное удивления драконово дерево, растущее неподалеку от поместья Бетанкура, завоевателя острова, обратило внимание наших путешественников. Оно на десяти футах высоты от земли имеет тридцать шесть футов в окружности!

В то же время, как отметил Фаддей Фаддеевич, в Крыму, на даче генерал-майора Говорова, называемой Албат, находится дуб в полной высоте, и не менее этого дерева достоин удивления: на пяти футах от земли он имеет в окружности те же тридцать шесть футов. Дуб этот в особенности знаменит тем, что под его сенью завтракали Екатерина II и император Австро-Венгрии Иосиф во время их путешествия по Крыму по приглашению светлейшего князя Потемкина-Таврического.

* * *

С утра 24 сентября, через пять дней после отплытия из гавани Санта-Крус, в первый раз показались рыбы бониты (макрели), которые старались как бы предупредить ход шлюпа, плывя перед его форштевнем. Матросы пытались поразить их острогой, однако одна макрель ко всеобщему сожалению, сорвалась с остроги, лишив команду хорошей ухи. Вместе с раненой и прочие бониты отплыли от шлюпа.

Вскоре после пересечения Северного тропика в первый раз увидели летучих рыб. Фаддей Фаддеевич, многозначительно переглянувшись с Андреем Петровичем, дал указание старшему офицеру организовать их сбор на верхней палубе шлюпа, когда те станут падать на нее довольно часто, и передавать на камбуз для приготовления из них жареного блюда для кают-компаний. При этом Андрей Петрович был немало удивлен тем, что Иван Иванович воспринял вроде бы странный приказ капитана как само собой разумеющийся, не зада-

вая каких-либо вопросов. «Не зря, стало быть, Фаддей перетянул его за собой с Черного моря, – даже позавидовал он другу. – Как, впрочем, и меня тоже...» – беззлобно заключил он.

Бониты же во множестве следовали за шлюпом, и удалыцы из матросов неоднократно пытались ловить их удами, но так и не поймали ни одной рыбины. Неуемный же охотничий азарт бонитов достоин удивления – они, преследуя летучих рыб, прямо-таки выскакивали за ними из воды, когда те, ища спасения, вылетали из нее. Но здесь их поджидали фаэтоны и другие морские птицы, хватая на лету.

В полдень 30 сентября поймали на уду прожору (акулу), а вместе с ней подняли на шлюп и рыбу прилипалу, которые всегда держатся около акул, пользуясь остатками их добычи. Кроме того, ища возле них своего спасения от других хищных рыб, они прилипают к ним особыми присосками (откуда, собственно, и название этих рыб), ибо все морские обитатели боятся приближаться к акулам, которые, однако, при всей своей ненасытной прожорливости прилипал почему-то не трогают.

Зная, что прожору можно употреблять в пищу, капитан советовал матросам не гнущаться употреблением ее мяса. По просьбе Андрея Петровича художник Михайлов нарисовал обе добычи, а штаб-лекарь Берх снял с них кожу и приготовил для сохранения. Изготавливать же чучела из них на шлюпе Андрей Петрович не стал по двум причинам. Во-первых, чучело акулы было бы очень больших размеров, занимая много драгоценного места, и, во-вторых, если бы кожа рыб по каким-либо причинам при изготовлении чучел была бы повреждена, то добыть их снова было бы практически невозможно. Во всяком случае, он точно знал, что капитан ни в коем случае не стал бы тратить время на их поимку, нарушая утвержденный график движения экспедиции.

В тот же день видели склизковатое морское животное, называемое португальским фрегатом, или морской крапивой, но скорый ход шлюпа не позволил точнее рассмотреть это животное, разукрашенное всеми цветами радуги.

* * *

Через несколько дней ночью увидели свечение моря. Это величественное явление поражает зрителя: он видит на небе бесчисленное множество звезд и море, освещенное зыблющимися искрами, которые по мере приближения шлюпов становятся ярче, а в струе за кормой образуют огненную реку. Тот, кто этого никогда не видел, изумляется и находится в полном восторге.

Для выяснения происхождения этих искр с кормы шлюпа опустили флагдучный мешок и вытащили во множестве как больших, так и малых светящихся животных, из которых по особенному блистанию обратила на себя внимание пиросома, длиною до семи дюймов (около восемнадцати сантиметров), имеющая форму полого стекловидного цилиндра с закругленным основанием и наростами разной величины вдоль всего тела. Когда она находится в воде в спокойном состоянии, то иногда лишается света, но спустя некоторое время с наростов начинает светиться и наконец вся принимает огненный вид, после чего снова постепенно тускнеет, но при малейшем сотрясении воды блистание ее мгновенно возобновляется. Однако все эти изменения происходят только до тех пор, пока животное не мертво, а потом блистание исчезает. Для опыта дали кошке большую половину этого животного, и она охотно ее съела без каких-либо для себя последствий.

Друзья были очарованы этим зрелищем не менее других и хотя проходили этими же водами шестнадцать лет тому назад, но ничего подобного не видели. Конечно, и тогда видели свечение отдельных морских животных, но такого свечения водной поверхности до самого горизонта не было.

– Жаль, что этого явления мы не наблюдали во время нашего первого плавания, – с сожалением сказал Андрей Петрович. – Ведь в сетку для ловли подобного рода морских животных, которая теперь всегда висит у нас за кормой, пирсомы попадают только в ночное время, днем же увидеть их в воде можно очень и очень редко. Очевидно, они по каким-то, пока нам не известным, причинам избегают солнечного света и с восходом солнца опускаются на глубину. Григорий Иванович непременно бы обратил на это внимание и разгадал бы эту загадку их поведения.

– Уж это точно, – вздохнув, согласился Фаддей Фаддеевич.

И Андрей Петрович за неимением на шлюпе натуралиста смог ограничиться лишь констатацией этого любопытного факта, сделав пометку в своем неизменном блокноте.

* * *

Андрей Петрович, конечно, хорошо знал, что из множества наук, связанных с морем, Фаддей Фаддеевич отдавал предпочтение картографии и гидрологии. Ведь еще Крузенштерн выделял его среди прочих офицеров, когда они проводили картографические съемки восточных берегов японского острова Кюсю и Сахалина. Он-то как раз и оформлял в окончательном виде генеральные карты этих побережий.

Вот и сейчас, воспользовавшись тем, что хотя ветер и был попутный, но тих, капитан решил спустить ялик с астрономом Симоновым и штурманом Парядиным для измерения температуры воды на глубине.

Андрей Петрович, увидев плававший поблизости португальский фрегат, предостерег их, показывая на слизистое морское животное:

– Господа, не трогайте руками, ради Бога, морскую крапиву, это довольно опасно.

– Успокойтесь, Андрей Петрович, это нам как-то ни к чему, – улыбнулся Иван Михайлович, астроном.

Однако же, когда измерения уже были закончены, астроном не смог удержаться и из любопытства – а как еще мог поступить ученый иначе, видя в воде совсем рядом животное, переливающееся всеми цветами радуги, – все-таки коснулся его рукой и почувствовал воспаление многим сильнее, нежели от ожога береговой крапивы. На его руке образовались белые пятна с сильнейшим обжигающим зудом.

– Правильно говорят, что горбатого только могила исправит, – в сердцах махнул рукой Фаддей Фаддеевич, а Андрей Петрович лишь таинственно улыбнулся.

И штаб-лекарь Берх не корил астронома, делая ему какие-то припарки и смазывая руку одному ему известными чудодейственными, по его уверению, мазями.

* * *

В двух милях от шлюпа под ветром мореплаватели увидели водяной столб (смерч) и ясно могли различить пенящуюся вокруг его основания, похожего на перевернутую воронку, воду.

Глаза Фаддея Фаддеевича загорелись.

– Давайте, Андрей Петрович, расстреляем его из пушки? Ведь известно же, что подобные водяные насосы разбиваются ядрами и что даже одного сотрясения воздуха от действия пушечных выстрелов достаточно, чтобы разрушить его.

И хотя его самого распирало любопытство увидеть столь необычное зрелище, он, однако, с сомнением покачал головой.

– По-моему, это довольно опасная затея, Фаддей Фаддеевич. Смерч, вращаясь против часовой стрелки, засасывает в себя воду и все, что в ней находится, поднимая их высоко

вверх и перенося на значительные расстояния. Ведь не зря же жители прибрежных районов бывают очень озадачены тем, когда с неба ни с того ни с сего начинают падать рыбы. А чтобы расстрелять его, нужно подойти к нему на пушечный выстрел, то есть довольно близко. Высота же смерча, как видите, не менее трех тысяч футов (около одного километра!), и когда он, разрушаясь, рухнет вниз, то всякое может случиться. И хотя это очень опасное для мореплавания явление, но сейчас смерч находится от шлюпов на довольно значительном расстоянии и никакой опасности для нас, таким образом, не представляет.

– Вынужден согласиться с вашими доводами, Андрей Петрович, – вздохнул капитан, а вместе с ним с сожалением вздохнул и вахтенный офицер, любознательный лейтенант Торсон. – А жаль – могло бы получиться чудное зрелище. Ну да ладно, будем следовать народной мудрости: «Не тронь дерьмо, оно и вонять не будет».

И Беллинсгаузен ограничился только тем, что предупредил о смерче Лазарева, который поблагодарил его за это и ответил, что и сам видит его.

* * *

С наступлением штилей продолжили опыты по гидрологии. Еще в Петербурге флота генерал-штаб-доктор Лейтон поручил лейтенанту Лазареву провести любопытный опыт. Опустили на глубину 200 саженей (около 400 метров) закупоренную бутылку, но на глубине пробка выскочила. Тогда Михаил Петрович лично закупорил пустую бутылку, на пробке вырезал крест с наружной стороны, перевязал горлышко сложенной вчетверо холстиной и опустил ее на ту же глубину. Когда же бутылку вытащили, она была наполнена водой, холстина сверху прорвана, а пробка оказалась на месте, но повернутая другой стороной, да так крепко, что ее с большим трудом удалось вытянуть лишь пробочником. Все же принимавшие участие в опыте были этим очень удивлены.

Однако, проведя ряд подобных испытаний на разных глубинах, пришли к следующему выводу. Теплый воздух, находящийся в бутылке, при погружении на глубину, где температура воды гораздо ниже, охлаждаясь, сжимается, и пробка под действием мощного давления толщи воды проталкивается внутрь бутылки, которая наполняется водой. По мере же поднятия ее на поверхность находящаяся в ней вода постепенно нагревается и, расширяясь, вдавливая пробку в горлышко. А так как нижний ее конец тоньше верхнего, то она, повернувшись, выталкивается из бутылки в ее горлышко как раз более тонким нижним концом, плотно закупоривая бутылку.

– Вот и весь секрет этого фокуса, господа... – удовлетворенно улыбаясь, заключил Михаил Петрович.

«Умен и пылив, – по достоинству оценил Андрей Петрович способности лейтенанта и тоже улыбнулся, – а каким же еще должен быть командир шлюпа и заместитель начальника столь ответственной экспедиции?... Однако подобный эффект возможен, по всей вероятности, только при довольно значительной разности температур воды на ее поверхности и на глубине», – пришел он к выводу, делая пометки в своем блокноте.

* * *

Когда 2 ноября стали на якоря на рейде гавани Рио-де-Жанейро, все члены экспедиции Беллинсгаузена были обрадованы, увидев шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», которые двумя днями позже них покинули Портсмут, а прибыли в Рио-де-Жанейро одним днем ранее. Дело в том, что капитан-лейтенант Васильев до прибытия сюда никуда не заходил, в то время как «Восток» и «Мирный» пробыли пять дней в гавани Санта-Крус на Канарских островах.

Утром следующего дня на «Восток» прибыл генеральный консул в Рио-де-Жанейро коллежский советник⁶ Лангсдорф. И офицеры, столпившиеся на шканцах, были немало удивлены, когда тот сразу же оказался в объятиях начальника экспедиции и его заместителя по ученой части.

– Григорий Иванович, сколько лет, сколько зим! – радовался встрече Фаддей Фаддеевич.

– А вы, Андрей Петрович, так бороду и не отрастили, хотя, как помню, перед поездкой в Русскую Америку вроде бы и собирались? – приветствовал того Григорий Иванович, глаза которого прямо-таки источали радость от встречи. – Снова вместе, как когда-то на борту «Надежды»!

– С той лишь разницей, что вы уже не ученый-натуралист, а генеральный консул, я не вахтенный офицер, а начальник кругосветной Антарктической экспедиции, а Андрей Петрович не член торговой миссии, а почетный член Петербургской академии наук и мой заместитель, – уточнил Фаддей Фаддеевич, широко улыбаясь.

– С чем всех нас, господа, и поздравляю! – в тон ему подхватил Григорий Иванович.

И друзья продолжили разговор уже в каюте.

– Шикарно устроились, господа! – с некоторой долей зависти воскликнул Григорий Иванович, мельком оглядев каюту. – Это вам не наши каморки на «Надежде»!

– Это адмиральская каюта, которую занимает уважаемый Андрей Петрович, – пояснил Фаддей Фаддеевич. – И она стала традиционным местом наших дружеских встреч, как когда-то кают-компания на «Надежде».

Григорий Иванович сразу же обратил внимание на чучело чайки, стоявшее на книжном шкафу (натуралист – он и есть натуралист!), в то время как вестовые вносили кресло из капитанской каюты, с интересом поглядывая на генерального консула.

– И чем же так знаменита эта птица?

– Как птица ничем особенным, чайка как чайка. Но ее чучело изготовил мой вестовой Матвей, – и Андрей Петрович показал глазами на вытянувшегося в струнку матроса.

Григорий Иванович с интересом глянул на него и, взяв в руки чучело, стал внимательно разглядывать.

– Сработано очень даже неплохо, – заключил он, – а чем же ты набивал его, умелец?

– Паклей, ваше превосходительство! – ответил зардевшийся от похвалы Матвей.

– Слава Богу, что не высокопревосходительство! – улыбнулся вместе с друзьями генеральный консул. – Пока же достаточно и высокоблагородия.

– Есть, ваше высокоблагородие! – стушевался вестовой.

– Они вам больше не нужны, Фаддей Фаддеевич?

– Ступайте! – приказал вестовым капитан.

– Ну что же, – сказал повеселевший Григорий Иванович, когда вестовые покинули каюту, – теперь у вас, господа, как мне кажется, не будет особых проблем с изготовлением чучел животных?

– Вы правы, – подтвердил Андрей Петрович.

– Но ведь вам потребуются различные приспособления для их изготовления, – с долей беспокойства уточнил генеральный консул.

– Все необходимое мы приобрели в мастерской Британского зоологического музея в Лондоне, – доложил Андрей Петрович.

– Поздравляю, Фаддей Фаддеевич! У вас замечательный заместитель по ученой части!

⁶ Коллежский советник – в соответствии с Табелью о рангах гражданский чин, равный флотскому чину капитана 1-го ранга.

– Если бы вы только знали, Григорий Иванович, сколько я испортил крови, добиваясь его назначения в экспедицию!

– Представляю, очень даже хорошо представляю, – понимающе улыбнулся тот и стал обозревать библиотеку Андрея Петровича. – А ведь кое-что прибавилось в вашем собрании, Андрей Петрович, с тех пор, – отметил Григорий Иванович.

– Конечно. Кое-что приобрел за годы службы в Российско-Американской компании в Новоархангельске, делая заказы предприимчивым купцам, а ряд изданий прикупил уже в Петербурге перед самым отходом экспедиции. Да уже по нужде нахватал кое-чего в Копенгагене, Портсмуте и Лондоне.

– По какой такой нужде? – встревожился генеральный консул, получивший строжайшее предписание министра иностранных дел Нессельроде⁷ оказывать экспедиции Беллинсгаузена всяческую помощь и поддержку в рамках своей компетенции.

Андрей Петрович посмотрел на Фаддея Фаддеевича, и тот поведал печальную историю о немецких ученых-натуралистах, приглашенных для участия в экспедициях, но в последний момент ответивших отказом.

– Вот мерзавцы! – не выбирая выражений по поводу руководителей Академии наук, гневно воскликнул всегда выдержанный и корректный Григорий Иванович. – Умудрились, готовя такую дорогостоящую экспедицию, оставить ее без научного обеспечения! Это уже не просто халатность, а преступный подрыв национальных интересов России! – продолжал возмущаться он. – И оставить это дело без последствий для виновных я, как государственное лицо, заинтересованное в успешных результатах столь перспективной экспедиции, которые могут в корне изменить представление о нашем Отечестве как о великой морской державе, не имею права!

– Я уже через нашего посла в Дании барона Николаи передал по этому вопросу свое мнение, полностью совпадающее с вашим, уважаемый Григорий Иванович, в Адмиралтейств-коллегию и надеюсь, что оно будет доведено до сведения государя, – доложил Фаддей Фаддеевич. – Однако мы не остались, как вы изволили выразиться, без научного сопровождения экспедиции. Андрей Петрович сумел за короткий срок определить и научно обосновать признаки возможного нахождения земли значительных размеров в высоких южных широтах. Так что теперь мы имеем возможность отыскивать эту землю с открытыми глазами, а не вслепую.

Григорий Иванович живо повернулся к Андрею Петровичу, и тот изложил в общих чертах результаты своих теоретических изысканий.

– Интересно, очень интересно! А главное – очень полезно и ко времени! – было видно, что в Григории Ивановиче государственный деятель уступил место ученому. – А у вас, Андрей Петрович, случаем, нет хотя бы черновых записей по этому вопросу? – с надеждой спросил он.

– Почему же, Григорий Иванович, есть, и не только черновые, – и Андрей Петрович, открыв левый верхний ящик письменного стола ключиком с брелком, что, конечно, не ускользнуло от взгляда Фаддея Фаддеевича, улыбнувшегося при этом, протянул ему исписанные листы.

Григорий Иванович быстро пробежал их глазами и заключил:

– За время стоянки в Рио-де-Жанейро постарайтесь их оформить надлежащим образом, а я дипломатической почтой со своим предисловием перешлю их в Петербург для публикации в ближайшем научном издании. Пусть наши иноземные горе-академики знают, что рос-

⁷ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, министр иностранных дел России (1816–1856). Родился в семье русского дипломата. Дипломатическую службу начал в 1801 г. Член Государственного совета (1821), вице-канцлер (1828), канцлер (1845).

сиян просто так вокруг пальца не обведешь. Сами с усами! А вы, Андрей Петрович, просто молодец! Не нарадуюсь на вас, ей богу!

– Ваша школа, Григорий Иванович...

– Любая школа без головы – ничто, дорогой Андрей Петрович, – и улыбнулся. – Видимо, все-таки в коня корм!

– Может быть, и так, – поскромничал тот, – но среди этих признаков, к сожалению, нет еще одного. Я имею в виду наличие морских животных и птиц в приполярной зоне и их поведение, связанное с присутствием земли, в том числе и значительных размеров. Думал поручить его разработку натуралисту как специалисту в этой области знаний, однако... – и он многозначительно развел руками.

– Да, далеко не простой вопрос, и готового ответа на него нет, – задумчиво ответил Григорий Иванович. А затем встрепенулся: – Давайте сделаем так. Я покопаюсь в своей библиотеке, которая, слава Богу, со мной, подберу, что смогу, нужное для вас и перешлю на «Восток». А вы, уважаемый Андрей Петрович, найдете там, я думаю, все необходимое для обоснования этого третьего признака. Кстати, я отмечу в своем предисловии к вашей статье причину отсутствия этого самого признака и добавлю, что он разрабатывается ученым Шуваловым, находящимся в составе экспедиции, ввиду отсутствия в ней немецкого натуралиста, – потирал от удовольствия руки в связи с пришедшей на ум удачной мыслью Григорий Иванович.

– Как мне благодарить вас, дорогой вы мой учитель?! – чуть ли не со слезами на глазах промолвил Андрей Петрович. – А книги я вам обязательно верну на обратном пути, – озабоченно заверил он и, запнувшись, тихо добавил: – Если только не сгинем где-нибудь в полярных льдах...

– Тьфу тебя, вещун! – мелко перекрестился Фаддей Фаддеевич, суеверный, как, впрочем, и все моряки. – Придет же на ум такая блажь вроде бы и не глупому человеку!

– Да успокойся, Фаддей Фаддеевич! Это я же так, для напоминания, что ли, о превратностях судьбы...

– Хорошенькое напоминание, когда похода хоронят экспедицию! – никак не мог успокоиться тот.

А Григорий Иванович улыбался, глядя на перепалку своих друзей, навевавшую сладостные воспоминания о годах их молодости.

– А каковы ваши дальнейшие планы, Григорий Иванович?

– Планов много, – оживился тот, – но главное – подготовка экспедиции в глубь Бразилии. Вы, наверное, помните, что я об этом мечтал еще в кают-компании «Надежды». Сколько же лет прошло с тех пор... Но не все так просто и в финансовом, и в политическом отношении. Всю Южную и Центральную Америку охватили национально-освободительные войны, и испанскому и португальскому господству приходит конец. Но если в Испанской Америке верховодят республиканцы, или, по-местному, инсургенты, то в Бразилии дело вроде бы идет к монархии. Сказывается, конечно, влияние пребывания здесь португальского королевского двора во время наполеоновского нашествия на Пиренейский полуостров. Во всяком случае, это вполне устраивает Россию, и Нессельроде подталкивает меня именно в этом направлении.

А тут еще, как назло, возникли разногласия из-за Уругвая. Там вспыхнуло восстание инсургентов, и Португалия ввела туда из соседней Бразилии свои войска, подавив его. Но Испания возмутилась вмешательством в ее внутренние дела, по-прежнему считая всю территорию Рио-де-Ла-Платы своими колониальными владениями. Комедия, одним словом, да и только.

Ну а я тем временем, пользуясь своим служебным положением, – коротко улыбнулся Григорий Иванович, – налаживаю деловые отношения с бразильской элитой с прицелом

на то, что когда обстановка в стране стабилизируется, все-таки организовать экспедицию в глубь территории Бразилии, еще почти неисследованной.

– В долгосрочных интересах России? – любопытно спросил Фаддей Фаддеевич.

– Да нет, чисто в научных целях.

– И тогда господин Лангсдорф станет претендовать на свое законное место академика в Петербургской академии наук, – сформулировал начатую натуралистом мысль Андрей Петрович.

– А господин Шувалов, – в тон ему продолжил Григорий Иванович, – будет продвигать его кандидатуру, пользуясь своим влиянием как ее почетного члена...

– Привлекая к этому и Крузенштерна, и других влиятельных почетных членов Академии наук, – подвел итог Андрей Петрович.

– За что спасибо вам на добром слове!

И все втроем дружно рассмеялись.

– Шутки шутками, а мне бы очень хотелось видеть вас, Григорий Иванович, действительным членом Академии наук, – не кривя душой, сказал Андрей Петрович.

– Видите ли, Андрей Петрович, я читал ваш отчет как начальника экспедиции по обследованию залива Аляска. Замечательная работа! И даже несколько завидовал вам. Будь такие материалы за моей подписью, я бы с открытым забралом ринулся в академики, так что хочешь, не хочешь, а придется ждать бразильской экспедиции...

Друзья помолчали.

– А как вам, Андрей Петрович, показалась Кентерберийская долина в Новой Зеландии? – неожиданно спросил Григорий Иванович.

– ???

– Не удивляйтесь, Андрей Петрович, и сюда доходят слухи о ваших славных делах. Ко мне как-то совершенно случайно, – неопределенно хмыкнул дипломат, – попали любопытные документы, вернее, их копии, министерства иностранных дел Англии, из которых следовало, что британцы проявляли повышенное беспокойство по поводу присутствия в течение нескольких месяцев русских в Кентерберийской долине. Сопоставив эти сведения с некоторыми известными мне документами Главного правления Российско-Американской компании, я понял, что речь идет именно о вашей экспедиции в Новую Зеландию, и снова позавидовал вашим успехам. Я же признался вам еще в Петропавловске на Камчатке о своем честолюбии как ученого.

– Это мы уже давно поняли, – в свою очередь, хмыкнул Фаддей Фаддеевич.

– Благодатный край, – как бы не замечая самобичевания Григория Ивановича и реплики капитана, повествовал Андрей Петрович, – с прекрасными плодородными почвами и умеренным климатом. В общем, рай и для земледельцев, и для животноводов. Но колонизировать его силами одной Российско-Американской компании с крахом ее былых надежд обосноваться на Гавайских островах практически невозможно – уж очень далеко даже от Верхней Калифорнии, на которую мы еще совсем недавно претендовали, не говоря уж о Новоархангельске.

– Жаль, очень жаль, – задумчиво проговорил Григорий Иванович и вдруг оживился. – А знаете ли вы, что Шеффер, «покоритель» гавайского острова Атува, объявился здесь, в Рио-де-Жанейро, и обхаживает вице-короля? И, по моим сведениям, претендует после отделения от Португалии и установления в Бразилии монархии ни много ни мало на графский титул.

– Ну вот, Фаддей Фаддеевич, а ты жаловался, что, мол, одним своим лобиком трудно пробиться в жизни, – не преминул подковырнуть друга Андрей Петрович.

– А он прав, – неожиданно поддержал Фаддея Фаддеевича Григорий Иванович. – Если бы, к примеру, камергер Резанов, председатель Главного правления Российско-Амери-

канской компании, не скончался в 1806 году в Красноярске, возвращаясь в Петербург из Русской Америки, то, учитывая его таланты и связи при дворе, он непременно стал бы канцлером, и ваша судьба, Андрей Петрович, сложилась бы совсем иначе. И мне бы пришлось обивать пороги вашего кабинета в Петербурге, добиваясь у вас аудиенции. Или я не прав? – спросил он, увидев, как вскинулся тот при его последних словах.

– Кто его знает? – неопределенно ответил Андрей Петрович. – Резанов действительно на что-то намекал, но очень и очень туманно... Вполне возможно, что могло быть и так, как вы сказали. Только вам бы, Григорий Иванович, уверяю вас, не пришлось бы обивать пороги моего кабинета. Выдумщик вы, однако! – и откровенно рассмеялся, а дипломат с полупоклоном в знак признательности приложил руку к сердцу.

– Во всяком случае, – после некоторой паузы уже серьезно, как на исповеди, продолжил Андрей Петрович, – я очень доволен своей судьбой. Много повидал, многому научился. Я практически свободный человек, в том числе и в материальном плане. И в экспедицию пошел не ради какой-либо выгоды, как и многие другие ее члены, и не столько ради славы одного из первооткрывателей Южного материка, а по зову своей беспокойной души. И сейчас, пользуясь покровительством своего друга, занимаюсь тем, что мне по душе, не забывая, конечно, и о пользе моих дел для Отечества.

Григорий Иванович встал и крепко пожал ему руку.

* * *

– Ну что, господа, по коням? – полувопросительно посмотрел на друзей Григорий Иванович.

– Э нет, господин дипломат! У моряков так не положено! – возразил капитан и позвонил в колокольчик.

– Накрыть стол по полной программе! – приказал он возникшему, как тень, Матвею.

– Есть накрыть стол по полной программе! – и в глазах вестового промелькнули веселые искорки.

– Ты что это, никак насмехаться изволишь?! – гневно сверкнул глазами капитан, встав в кресле.

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Радуюсь!

– И чему же это ты так радуешься, служивый? – уже спокойнее спросил Фаддей Фаддеевич, проявляя видимую заинтересованность.

– Встрече старых друзей, ваше высокоблагородие!

Присутствующие переглянулись.

– Откуда же ты знаешь обо мне, голубчик? – удивленно спросил Григорий Иванович, приподняв брови.

– От их высокоблагородия господина Андрея Петровича, ваше высокоблагородие! Они мне рассказывали о вас и не раз. И о том, как вы вместе с их высокоблагородием господином капитаном плавали на шлюпе «Надежда». И очень они хвалили вас, ваше высокоблагородие, – смутившись, ответил Матвей.

– Ступай, выполняй приказание! Да поживей! – резким тоном приказал Фаддей Фаддеевич.

И когда вестовой, ответив «Есть!», покинул каюту, укоризненно добавил:

– Сразу видно ваше воспитание, Андрей Петрович.

– Не придирайтесь, Фаддей Фаддеевич. Дай Бог, чтобы у вас всегда были такие помощники! – примирительным тоном попросил Григорий Иванович.

– А я и не придираюсь. Просто еще в самом начале плавания просил Андрея Петровича быть поосторожнее с вестовым, не баловать его. Ведь он все-таки как-никак, гвардейский

офицер, и я до сих пор помню его командный голос на мостике «Надежды». И куда только все подевалось? – Фаддей Фаддеевич пожал плечами.

– Он сейчас не столько гвардейский офицер, сколько ученый, а это две большие разницы, уважаемый Фаддей Фаддеевич.

Когда все успокоились и расселись по местам, удивил вопросом, мучившим, видимо, его, Андрей Петрович.

– Никак не пойму, каким же образом англичане смогли узнать о нашем присутствии в Кентерберийской долине? Я же пунктуально выполнял все предписания Баранова по скрытности нашего плавания, прокладывая курс «Екатерины» задворками Тихого океана. Потому и не встретили ни одного иностранного судна, ни одного европейца за исключением двух английских матросов, взятых в плен туземцами. Но не в их интересах было встречаться с англичанами, да и не могли они этого сделать, это я точно знаю. И все-таки как, каким образом мы все же «засветились»?

Григорий Иванович задумчиво барабанил пальцами по крышке стола, обдумывая возможные варианты.

– Британская разведка – очень даже неплохая разведка. Мы, между прочим, даже здесь, в Бразилии, чувствуем ее скользкие щупальца. А уж в районах их прямых интересов, одним из которых как раз и является Новая Зеландия, тем более. Хотя, – самодовольно улыбнулся он, – англичане тоже обижаются на нас и, надо полагать, не зря. И мы, оказывается, щипи не лаптем хлебаем... – Помолчал, опять задумавшись. – А у вас, Андрей Петрович, случайно, не было каких-либо стычек с маорийцами? Может быть, вы успели нажить себе врагов среди их вождей?

– Успел, разумеется, но только в лице одного из них и уже в самом конце нашего пребывания в долине.

– Вот и разгадка ответа на ваш вопрос, Андрей Петрович. Все оказывается так просто... – откинувшись на спинку стула, удовлетворенно изрек генеральный консул.

– Вы думаете...

– Да, да, именно так, – подтвердил его догадку Григорий Иванович. – Ведь не зря же англичане вывозят отдельных аборигенов из числа местной элиты к себе в Британию, учат их английскому языку и прочему, «приобщая» таким образом в течение некоторого времени к плодам цивилизации. А затем возвращают назад сюда, в Новую Зеландию, отрабатывать, так сказать, затраты на их «обучение». Вот вам, господа, налицо один из классических результатов этой иезуитской политики.

Андрей Петрович понимающе посмотрел на генерального консула. «Все оказалось действительно таким простым и наглядным», – удивился он прозорливости Григория Ивановича, переходя на балкон, куда пригласил их Фаддей Фаддеевич, пока вестовые накрывали стол для товарищеского обеда.

* * *

Вице-консул Кильхен, помощник генерального консула Лангсдорфа, по просьбе последнего пригласил офицеров и ученых экспедиций Беллинсгаузена и Васильева посетить одну из достопримечательностей Рио-де-Жанейро – замечательный, по его словам, водопад, находящийся в шестнадцати милях от города.

С утра все приглашенные расселись по каретам, однако некоторые воспользовались и верховыми лошадьми. Андрей Петрович, успевший вдоволь наездиться верхом по Верхней Калифорнии, не преминул сразу же оседлать лошадь. Фаддей Фаддеевич последовал его примеру.

– Придется ради дружбы потрястись в седле, – пробурчал он, разбирая поводья.

– Кому как, – неопределенно хмыкнул Андрей Петрович. – Я же, напротив, от верховой езды испытываю истинное наслаждение.

– А что тебе еще остается делать, вечный странник? – на сей раз улыбнулся тот.

Ехали, весело обмениваясь впечатлениями, то по прекрасно обработанным местам, то по крутым горам, поросшим лесом, когда с одной стороны была гора, а с другой – пропасть. И тогда возгласы восхищения путешественников притихали как-то сами собой. Однако миль за пять или шесть до водопада дорога стала столь крутой и разбитой, что всем предложили далее идти пешком. Жаркая погода и трудности спуска и подъема с горы на гору утомили путешественников, и их группа постепенно растянулась.

– Ну и как, мореход, тяжело? – съязвил Андрей Петрович, привыкший к подобным походам да еще с ружьем за плечом и котомкой за спиной со всякими пожитками. – Это тебе не прохладиться на мостике, посматривая от нечего делать по сторонам.

– Особенно в бурю на море! – усмехнулся капитан.

– Вот тут ты прав – везде свои «прелести»... – примирительно согласился Андрей Петрович.

Тем не менее все постепенно притащились к таверне в полумиле от водопада. Освежившись прохладным лимонадом, уже все вместе пошли по узкой тропинке, ведущей по кособокому к водопаду, шум которого был слышен даже издали. Вид же водопада, открывшийся после последнего поворота, вызвал бурю восторгов.

Воды реки шириной саженой пятнадцати, сжатой с обеих сторон горами, стремительно бегут через порог, образованный большими камнями, а затем падают вниз, в долину, и, изгибаясь, текут по равнине к синему вдаль бескрайнему океану...

– Удивительно, Фаддей, – задумчиво произнес Андрей Петрович, – ведь за время своих скитаний по разным странам я вдоволь насмотрелся на эти чудеса природы. Чего стоит только один водопад на Южном острове Новой Зеландии! И все-таки каждый из них прекрасен по-своему и неповторим. Можно буквально часами смотреть на это диво, и никогда не надоест... Просто удивительно! Как какое-то колдовство, ей богу...

Фаддей Фаддеевич молча обнял друга, сопереживая увиденное.

На одной из скал и на каменной плите, используемой в качестве стола, были во множестве начертаны имена посетивших это место людей, между которыми оказались и наши соотечественники – капитан и офицеры шлюпа «Камчатка».

– Головин, Врангель, Литке... – медленно читал капитан-лейтенант Васильев, разбирая имена русских мореплавателей, выбитые на камне.

Все присутствовавшие с усердием проделали то же самое, как бы приобщившись таким образом к касте избранных. Васильев предложил высечь на камне и имена старших и дежурных офицеров, оставшихся на шлюпах согласно Морскому уставу, но Беллинсгаузен, подумав, не согласился с ним, обосновав отказ очень просто: на камнях должны быть запечатлены имена бывших здесь, выполненные только собственноручно, так как, к примеру, отсутствует имя старшего офицера шлюпа «Камчатка». Спорить с логикой капитана 2-го ранга было невозможно.

Тем временем на плечах негров подоспел и обед, заказанный вице-консулом Кильхеном. На свежем воздухе да в хорошей компании он показался особенно вкусным.

– Как мне кажется, Андрюша, господин Кильхен мог бы разориться и на мадеру, – наклонившись к Андрею Петровичу, негромко, но с явным сожалением, сказал Фаддей Фаддеевич.

– Мысль, конечно, неплохая, – улыбнулся тот, – но ведь ему надо было подумать и о спуске с гор к каретам...

– Именно это я и имел в виду, – парировал капитан. – Разве не видишь, что подвели верховых лошадей.

– Вижу, конечно, но на всех-то не хватит.

– Вот в этом-то как раз и скрыт глубокий смысл: хочешь спускаться пешком – не употребляй мадеру, и наоборот.

Андрей Петрович удивленно глянул на него.

– Ты, Фаддей, похоже, и без мадеры уже себя прекрасно чувствуешь? Не так ли?

– Да ну тебя!.. – обиделся капитан.

Пока же все отдыхали после сытного обеда, наслаждаясь прекрасным видом водопада, живописец экспедиции капитан-лейтенанта Васильева запечатлел его на холсте.

* * *

На обратном пути все опять растянулись, так как одни ехали верхом, как, например, наши неразлучные друзья, в то время как другие предпочли спускаться непременно пешком, как, к примеру, лейтенант Лазарев. Однако при каждом подъеме он предпочитал держаться за хвост лошади Беллинсгаузена, экономя тем самым значительные силы.

Тем не менее, преодолев около пяти миль, путешественники сели в кареты и благополучно прибыли в гавань, где сердечно распрощались с вице-консулом Кильхеном, поблагодарив того за доставленное удовольствие, и разъехались на ожидавших их катерах по своим шлюпам.

Глава 3. Первые открытия

Гостеприимный Рио-де-Жанейро остался за кормой, и уже в океане был отслужен молебен об испрошении благополучного и успешного окончания предстоящего плавания, для чего с «Мирного» прибыли офицеры и священник во главе с лейтенантом Лазаревым.

Однако погода не баловала мореплавателей, и волнение океана было значительным. Временами шли дожди, а на юге в темное время полыхали зарницы и даже иногда слышались далекие раскаты грома. Капитан был вынужден убавлять количество парусов и брать их на рифы, чтобы не потерять из вида «Мирный», который шел в кильватере флагмана.

И все-таки на пятые сутки на зажженный на «Востоке» ночью фальшфейер «Мирный» не ответил. Не был виден он и на рассвете. Беллинсгаузен еще убавил парусов, а после полудня не выдержал и изменил курс на сближение с предполагаемым местом нахождения «Мирного». И примерно через час нервного ожидания, когда пасмурность несколько «прочистилась», капитан перекрестился, а шлюп огласился радостными криками «ура!» – показался «Мирный», идущий под всеми парусами.

Не успели шлюпы сблизиться, как с юго-запада налетел шквал с дождем и градом. Благо, что по команде вахтенного офицера успели взять рифы на парусах, но матросы вахтенной смены в мокром насквозь платье уже выбились из сил, и Фаддей Фаддеевич приказал им сменить платье на сухое и выдать по стакану пунша⁸, как он выразился, «для подкрепления».

С этого времени шлюпы стали сопровождать малые буревестники разных цветов и оттенков, иногда во множестве летавшие вокруг.

* * *

В 11 часов 3 декабря вахтенный лейтенант Игнатьев послал рассыльного доложить капитану, что впереди виден бурун. Тот позвал с собой на мостик и Андрея Петровича.

– Наверное, это тот берег, который мореплаватель Ла-Рош усмотрел в 1675 году, – обрадовано пояснил Фаддей Фаддеевич.

Однако, когда подошли к буруну поближе, то увидели, что это не берег, а огромный мертвый кит, о тело которого и разбивались волны, окруженный множеством птиц, летающих, плавающих и на нем сидящих.

– Вот тебе и берег! – раздосадованно воскликнул капитан.

– Не огорчайся, Фаддей! – успокоил его Андрей Петрович. – Это тоже удача! Вон сколько птиц в одном месте в открытом океане! Пошли туда на шлюпке кого-нибудь из офицеров со штаб-лекарем Берхом, может быть, и подстрелят какую для нашей коллекции.

Капитан утвердительно кивнул головой, загораясь охотничьим азартом.

И действительно, мичману Демидову удалось подстрелить одного альбатроса темно-бурого цвета, но с белой шеей и низом. Когда того замерили на палубе, то удивились – при длине тела 2 фута 8 дюймов (0,81 метра) размах крыльев от одного конца крыла до другого был равен 7 футам 6 дюймам (2 метрам 30 сантиметрам), то есть почти в три раза больше!

– Вот это экземпляр! – восхищенно воскликнул старший офицер. – Ай да мичман! Ай да молодец!

⁸ Пунш – спиртной напиток из рома, сваренного с сахаром, лимонным соком или другими приправами из фруктов.

Демидов, совсем еще молодой человек, зарделся от похвалы.

– Хороша добыча, Дмитрий Николаевич, ничего не скажешь! Спасибо вам за удачный выстрел! – подтвердил и Андрей Петрович. – Но не лишним будет знать, что размах крыльев у белых альбатросов может быть почти в два раза большим. Потому-то альбатросы могут часами без единого взмаха крыла парить над океанами и даже в бурю, получив за это второе свое название – буревестники, – щеголял он знаниями, почерпнутыми из книг Григория Ивановича. – Вы не огорчайтесь, мичман, – увидев досаду на его лице и переждав удивленные возгласы любопытствующих моряков, продолжил Андрей Петрович, – слава Богу, что вы добыли именно этот экземпляр, а то что бы мы делали с чучелом такого гигантского размера?

Отыскав среди улыбающихся матросов своего вестового, подозвал его.

– Вот тебе птица, Матвей. Только не вздумай делать чучело с распростертыми крыльями. Нам его и хранить-то будет негде. Может быть, когда-нибудь, – задумчиво сказал Андрей Петрович, – и сделаешь это чудо... Но уже в Петербурге, – добавил он.

Глаза Матвея вспыхнули радостными огоньками.

Когда же через два дня лейтенант Лазарев собственноручно подстрелил белого альбатроса с размахом крыльев 10 футов и 7 дюймов (почти 3 метра с четвертью), то его тоже доставили на «Восток» в «мастерскую» Матвея, то есть в его тесную каморку.

* * *

При приближении к сорок пятой широте ежедневно видели стаи птиц, большие косяки рыб и плавающие водоросли, что обычно принимают за признаки близости земли. Фаддей Фаддеевич снова оживился.

– Понимаешь, Андрюша, есть сведения, что именно на этой широте мореплаватель Ла-Рош, о котором я тебе уже говорил, открыл остров Гранде. Однако ни Лаперуз, ни Ванкувер⁹, в разные времена и в разных местах этой широты искавшие этот остров, так и не обнаружили его. Может быть, повезет нам? Чем черт ни шутит...

– Может, и повезет, – приободрил его Андрей Петрович, понимая желание друга сделать свое первое открытие, – почему бы и нет?

Погода стояла ясная, и горизонт хорошо просматривался во всех направлениях не менее чем на пятнадцать миль (более 27 километров). Время шло, а остров все так и не появлялся. И капитан с каждым часом становился все более и более удрученным.

– По-моему, мы ищем иголку в стоге сена, – признался он Андрею Петровичу. – Ведь Ла-Рош возвращался из Южного Ледовитого океана и, огибая мыс Горн с восточной стороны в позднее время года, в апреле месяце (который соответствует октябрю в северном полушарии), попал в жестокий шторм, которым в течение трех суток был увлечен на север. Отсюда и ошибка в счислении, учитывая при этом, что это было почти полтора века тому назад. Когда же погода прояснилась, он через некоторое время и обнаружил остров, считая, что находится на сорок пятой широте, а долгота была вообще не определена.

Вообще-то все обретенные испанцами острова, что подтверждено другими мореплавателями, означены на картах ошибочно не только на несколько градусов по долготе, но даже и по широте, а от того таковые обретения испанцев отыскивать весьма трудно. Поэтому, прокладывая курс одним меридианом, можно только по счастью попасть к сему острову.

«Если таковой вообще существует», – хотел добавить Андрей Петрович, но воздержался.

⁹ Ванкувер Джордж (1758–1798) – английский мореплаватель. Участник 2-го и 3-го плаваний Джеймса Кука (1772–1779). В 1790–1795 гг. совершил кругосветное плавание в северо-восточную часть Тихого океана.

– А посему менять курс не будем, дабы не тратить драгоценное время на поиски острова-призрака, – твердо решил капитан. – Пусть этим занимаются другие, если у них будет желание, – добавил он, подмигнув другу и как бы продолжая его мысль.

* * *

Ранним утром 15 декабря, выйдя на широту острова Георгия, капитан повернул шлюп на восток. Любопытство побудило всех встать пораньше, в надежде увидеть остров. И хотя его еще не было видно, но то место, где он должен был находиться, отличалось от остальной части горизонта скопившимися там черными тучами.

Заметно похолодало, и температура воздуха не превышала четырех градусов тепла. Множество китов вокруг выпускали фонтаны. Малые буревестники летали целыми стаями или сидели на воде. Иногда появлялись плавно парящие альбатросы. Мимо шлюпов несло много плавающих водорослей.

Наконец в 8 часов, когда пасмурность несколько очистилась, увидели уходящие в облака остроконечные вершины гор, покрытые вечными снегами, на расстоянии двадцати одной мили. На палубе раздались восторженные возгласы и крики «ура!».

В полдень подошли к западной оконечности острова Георгия, а затем пошли вдоль его южных берегов на удалении до двух миль со скоростью около семи узлов. Океанская зыбь с шумом разбивалась о скалы, поднимая фонтаны брызг.

Но вот из одного из заливов вышел парусный бот под английским флагом, направляясь к шлюпам экспедиции. На борт «Востока» поднялись штурман и два матроса. Штурман объяснил, что издалека они, англичане, не распознали наши шлюпы, и послали его предупредить капитанов о том, что в гавани Марии этого залива уже в течение четырех месяцев стоят два трехмачтовых судна английской китобойной компании, команды которых добывают жир из морских слонов¹⁰.

Капитан и Андрей Петрович понимающе переглянулись – конкуренция!

Однако уяснив, что это военные суда, никакого отношения к промыслу не имеющие, штурман подробно рассказал, что промышленники вытапливают из убитых морских слонов жир, для чего ездят для их промысла во все бухты побережья. Для ночлега опрокидывают свои лодки и разводят огонь, зажигая жир морских животных. А для растопки используют шкуры пингвинов, которых в это время года здесь чрезвычайное множество.

На вопрос Андрея Петровича, какие еще на острове водятся животные кроме морских слонов и пингвинов, он ответил, что видели также альбатросов и весьма много других морских птиц, а из береговых только жаворонков и голубей какого-то рода. Растений же никаких, кроме мха, нет.

Андрей Петрович тщательно записывал эти сведения в свой неизменный блокнот, а Фаддей Фаддеевич приказал угостить гостей грогом¹¹ и сухарями с маслом. Ко всеобщему удивлению, один из матросов оказался русским. Он в свое время сбежал во время пребывания наших кораблей в Англии и с тех пор скитается по трудным промыслам для пропитания.

Андрей Петрович отвел капитана в сторонку.

– В твои планы, Фаддей, входит высадка где-нибудь на побережье острова?

– Нет. А что?

¹⁰ Морские слоны – род ластоногих семейства настоящих тюленей. Самые крупные из ластоногих: длина самцов-производителей 3,7–5,5 м, наиболее крупные весят свыше 3 т. У взрослых самцов имеется своеобразное разрастание носовой полости в виде вздутия, увеличивающегося при возбуждении и несколько напоминающего короткий хобот (отсюда название).

¹¹ Грог – напиток из рома или коньяка с кипятком и сахаром.

– Тогда нужно попросить англичан привезти нам двух убитых морских слонов, самца и самку, а также пару хохлатых пингвинов для изготовления из них чучел.

Капитан поморщился.

– Но ведь это же задержка, лишняя трата драгоценного времени, так необходимого для выполнения основной задачи экспедиции. Неужели ты этого не понимаешь? Кроме того, я планирую высадиться на один из островов Сандвичевой Земли. Вот там и занимайся своими делами на здоровье!

– Во-первых, я не уверен, что там тоже будут морские слоны, а насколько мне известно, в России нет ни одного чучела этого животного. Во-вторых, это не мои дела, а выполнение требований Инструкции, подписанной государем и предназначенной для исполнения оной вами, господин капитан второго ранга, как начальником экспедиции. А посему прошу вас исполнить мою просьбу, к тому же не очень обременительную.

Фаддей Фаддеевич прямо-таки опешил, не ожидая столь яростного напора со стороны Андрея Петровича.

– Ты что, ошалел?! К чему этот официальный тон?! – вскипел он.

– Потому что ты по-другому не понимаешь, Фаддей! А если уж ты так действительно боишься потерять время, то пошли вперед, к Сандвичевой Земле, «Мирный», который успеешь сто раз нагнать и перегнать.

Капитан отвел глаза в сторону.

– Пошли договариваться с англичанами.

«Боишься ты, однако, друг любезный, потерять приоритет первооткрывателя. Понимаешь, что до Сандвичевой Земли могут быть обнаружены не один и не два неведомых острова», – усмехнулся Андрей Петрович.

Когда на «Мирный» сообщили о причине задержки, то Лазарев по семафору попросил, чтобы промышленники привезли с берега также пингвиньих шеек и яиц.

– Правильно поступает Михаил Петрович – задержку надо использовать с пользой для дела. Одними шкурами зверей сыт не будешь, – с насмешкой глядя на Андрея Петровича, съехидничал Фаддей Фаддеевич.

– Я-то твои скабрёзности как-нибудь переживу, Фаддей, а нужное дело будет сделано.

* * *

При большой пасмурности и дожде, временами переходящем в мокрый снег, дошли до места на побережье острова, описанного капитаном Куком 44 года тому назад, когда тот тоже шел вдоль него, но с востока. Ветер усилился, и Беллинсгаузен уже и не надеялся найти какое-либо удобное место для якорной стоянки. Дождаться же перемены погоды неделю или более значило упустить самое лучшее время для плавания в опасном Южном Ледовитом океане.

«Да, видимо, и нет особого смысла обследовать берег, обитаемый только пингвинами, морскими львами да котиками, которых-то и остались чуть ли не считанные единицы, так как были почти полностью истреблены приезжавшими сюда командами промысловых судов. К тому же, обойдя с южной стороны большую половину побережья острова Южная Георгия, представляющего собой каменные горы со снежными вершинами и с ложбинами и расщелинами между ними, наполненными льдом, мы так и не увидели ни одного куста и вообще какого-либо растения за исключением местами желто-зеленеющего мха, – рассуждал Андрей Петрович, глядя на еле видимый из-за непогоды берег. – Надо бы по этому поводу посоветоваться с Фаддеем. Ведь только он имеет право принимать решения. Я же только могу – и обязан! – сказать ему свое мнение, но не более того».

Стоя на ходуном ходящем мостике под мерзопакостным косым дождем, бьющим в лицо, и порывами завывающего в снастях ветра, капитан, словно читая его мысли, почти прокричал ему на ухо:

– Ну что, Андрюша, приехали? У тебя есть еще какой-нибудь научный интерес к этим забытым Богом местам?

Тот же, пораженный то ли проницательностью Фаддея, то ли общим ходом их мыслей, отрицательно покачал головой.

– И на том спасибо! – рассмеялся Фаддей Фаддеевич, обняв его за плечи. – А ведь ты, шельмец, как всегда, оказался прав – потеряли с твоими шкурами у гавани Марии полдня, а сэкономили не менее недели.

– А ты почаще вспоминай Кускова Ивана Александровича – поверь мне, не повредит, – парировал улыбающийся Андрей Петрович.

– Все язвись, Андрюша, все язвись... – смотрел на него капитан долгим невидящим взглядом, думая о чем-то, а затем, видимо, приняв окончательное решение, приказал сигналом передать «Мирному» следовать за «Востоком» и повернул шлюп к северной оконечности Земли Сандвича, которую намеревался обследовать с восточной стороны, ибо капитан Кук, открыв ее, осмотрел только с западной.

* * *

Хмарь прошла, вышло уже из-за редких туч солнце, и вроде бы даже как и потеплело. Матвей с Макаром развешивали на верхней палубе шкуры морских слонов и пингвинов, и вокруг них стали собираться любопытствующие матросы, свободные от вахты.

– Чем занимаемся, вестовые? – посыпались вопросы.

– Да вот господин ученый приказали изготовить чучела этих зверей, так мы с Макаром и развешиваем их для просушки.

– И кто же будет изготавливать эти самые чучела, – ехидно спросил один из матросов, – случаем, не вы ли?

– Случаем, я, – огрызнулся Матвей, – а Макар будет помогать.

– Ох, братцы, и насмотримся мы на эти чуда в перьях! – хохотнул рыжеволосый матрос.

Матвей глянул на мостик, где маячили фигуры Андрея Петровича и капитана. «Эх, была не была!» – решил он, юркнув в каюту. А когда появился с чучелом чайки в руках, среди матросов пробежали возгласы удивления.

– Вот это да, как живая!..

– Ну и ну, братцы!..

– Ты что же, Матвей, сам это чудо сотворил? – раздался недоверчивые голоса.

– Сам, своими собственными руками, – зарделся от похвал Матвей.

– Это что за сборище?! – раздался густой повелительный голос, и матросы вытянулись в струнку, пропуская в центр круга старшего офицера.

– Да вот, ваше благородие, просвещаю матросов! – не растерялся Матвей, показывая на чучело чайки.

– Известная птица, – хмыкнул капитан-лейтенант, приятно вспоминая вечер, проведенный в адмиральской каюте с капитаном и Андреем Петровичем на рейде Копенгагена. – А это что такое?! – взъерился старший офицер, увидев развешанные шкуры. – Это же палуба военного судна, а вы превращаете ее в кабак!

– Никак нет, ваше благородие! По приказу их высокоблагородия господина ученого просушиваем шкуры добытых давеча на острове зверей и птиц для изготовления из них чучел, ваше высокоблагородие! – затараторил Матвей, чувствуя себя в безопасности от гнева всемогущего старшего офицера под прикрытием авторитета своего барина.

– Тогда другое дело. Андрей Петрович зря приказывать не будет, – уважительно изрек старший офицер. – Ну-ну, просвещай братцев матросиков, Матвей, – и зашагал по палубе неторопливой уверенной походкой ее безоговорочного хозяина.

Когда старший офицер отошел на довольно значительное расстояние, матросы сразу же оживились.

– А он тебя, Матвей, по имени кличет, как старого знакомого, да и болтаешь ты с ним так, будто у тебя язык без костей.

– А чего тут удивительного? Я до «Востока» служил вестовым в кают-компании фрегата «Флора» на Черном море, где их высокоблагородие, как и сейчас, был старшим офицером под командой нашего капитана. А кто хозяин кают-компаний? Старший офицер! Так что на фрегате он был моим непосредственным начальником.

– А уважают они твоего барина, сразу видно...

– Еще бы! – загордился Матвей. – Он ведь почетный член самой Академии наук, да к тому же плавал вместе с нашим капитаном на шлюпе «Надежда» под командой самого капитана Крузенштерна еще в первом кругосветном плавании.

– А правду ли говорят, что твой барин не только ученый, но и гвардейский офицер? – с некоторым сомнением спросил молчавший до сих пор унтер-офицер с франтоватыми усиками, выдававшими в нем поклонника представительниц женского пола.

Матвей с укоризной глянул на Макара, который благоразумно отвел глаза в сторону. «Вот так и живем – вечером шепнешь что-нибудь на ухо одному, а утром уже вся команда знает об этом».

– Так точно! Поручик лейб-гвардии Преображенского полка, личной охраны государя императора. Нес службу в карауле Зимнего дворца! – с некоторым вызовом ответил он.

– Ух, ты!

– Вот это да! – раздалось удивленные голоса, и некоторые матросы истово перекрестились.

– А их высокоблагородие, ко всему прочему, известный мореход и путешественник, – не мог уже удержаться Матвей, оказавшись в центре внимания чуть ли ни половины команды шлюпа. – Излазал не только всю Русскую Америку вдоль и поперек, а заодно и Верхнюю Калифорнию, но и во главе экспедиции побывал аж в Новой Зеландии.

– Господи, и куда только ни заносила его судьбушка! – с завороченными глазами воскликнул молодой матрос.

– Еще не известно, куда нас-то занесет... Это знают только Господь да наш господин капитан, – наставительно произнес унтер-офицер с усиками, оглядывая столпившихся вокруг матросов. – Но мы и во льдах, куда держим путь, завсегда подмогнем, чем можем, нашему капитану. Я правильно говорю, братцы?

– А как же!

– Всенепременно!

– Как же можно иначе! – дружно загалдели матросы.

– Потому как добровольно и пошли в экспедицию, во славу русского флота и Отечества! – заключил унтер-офицер.

Матросы возбужденно улыбались, окрыленные всеобщим единодушием.

– Ладно, братцы, отнесу-ка я птицу в каюту, пока не застучали меня их высокоблагородие, что вынес ее без их разрешения, а то ведь и осерчать могут, – с опаской сказал Матвей и стал пробираться через плотное кольцо обступивших его матросов.

– Палундра, братцы! – раздался чей-то тревожный голос. – Старший офицер на горизонте!

И палуба вмиг опустела. Только слышалась звонкая дробь перестука матросских каблучков по ступенькам трапа, ведущего в жилую палубу.

* * *

Шкуры подсохли, и пришло время изготовления чучел. Но морской слон – это тебе не чайка и даже не альбатрос, чучело которых можно было сделать и в тесной каморке. И Андрей Петрович, посоветовавшись с Фаддеем Фаддеевичем, разрешил вестовым заниматься их изготовлением на шканцах, святом месте на судне, доступ куда нижним чинам был категорически запрещен. И теперь Матвей с Макаром могли спокойно заниматься своим делом, огражденные от любопытствующих матросов с их расспросами и ненужными советами.

Материалов и различных приспособлений, приобретенных в Копенгагене и Лондоне, было предостаточно. Дело спорилось. Макар оказался толковым помощником, быстро усвоившим суть дела. И уже через несколько дней Андрей Петрович, следивший за их работой, дал «добро» на набивку чучела самца морского слона паклей, готовым видом которого остался доволен. После этого попросил старшего офицера пригласить всех господ, обедавших в кают-компании, для его осмотра.

– Прекрасная работа! Морской слон, и правда, выглядит как живой...

– Ну и огромен же, господа!

– Не стыдно будет показать не только ученым, но и публике в музее, – заключил лейтенант Торсон, слышавший знатоком морской фауны.

А в это время штаб-лекарь Берх с пристрастием осматривал чучело, ощупывая его со всех сторон, и Матвей с тревогой следил за его действиями.

Подошел капитан, и офицеры расступились.

– Ну и каково ваше мнение, Яков Михайлович? – спросил он штаб-лекаря.

– Отличная работа, достойная похвалы, Фаддей Фаддеевич. Спасибо за труды, мастера!

– Рады стараться! – дружно гаркнули вестовые, еле сдерживая радость от похвалы, да еще в присутствии самого капитана.

– Только вот надобно бы все это присыпать нафталинчиком, а то, не дай бог, заведется моль, и она, вернее, ее личинки, превратят эту прелесть в нечто непотребное. Зайди как-нибудь ко мне в лазарет, – обратился он к Матвею, – я выделю тебе из своих запасов.

– Я вижу, Андрей Петрович, Матвей оправдал ваши надежды? – улыбаясь, спросил капитан.

– В полной мере, Фаддей Фаддеевич! Теперь он станет моим ассистентом по этой части. Да и Макар, ваш вестовой, оказался на высоте.

Вестовые аж зарделись от счастья. Капитан посмотрел на них, усмехнувшись, и приказал:

– Марш в каюты, молодцы!

– Как мне показалось, дорогой вы наш ученый, у вас как гора свалилась с плеч? – как бы между прочим обронил капитан, когда вестовые бегом покинули шканцы.

– Вы очень проницательны, Фаддей Фаддеевич! Теперь я действительно спокойно могу заняться другими вопросами. Вот только нужно определить место хранения чучел. Ведь их за время нашего плавания, как мне представляется, накопится довольно много.

– А вы, Андрей Петрович, убедительно прошу вас, постарайтесь не превратить всех морских животных и птиц Южного Ледовитого океана в чучела, – рассмеялся капитан, дружно поддержанный присутствующими.

– По самцу и самке каждого вида, как и положено по инструкции Академии наук, – парировал ученый.

– Все понятно. Как у библейского Ноя – каждой твари по паре, – не стал вступать в дальнейшую пикировку при офицерах Фаддей Фаддеевич и поискал глазами старшего офицера.

Тот сделал шаг вперед.

– С размещением чучел разберемся, Фаддей Фаддеевич. Кстати, у нас до сих пор свободна каюта несостоявшегося натуралиста, – напомнил Иван Иванович.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – буркнул помрачневший капитан. – Слава Богу, что на шлюпах нет иноземных соглядатаев. А то вынюхивали бы, как да что, совали бы свои носы в наши дела, их не касающиеся.

– Поэтому предлагаю в ней организовать мастерскую по изготовлению чучел, – оживился Андрей Петрович, решив ковать железо, пока горячо. – Ведь скоро подойдем к Южному полярному кругу, и на верхней палубе уже много не поработаешь. Как ваше мнение, Фаддей Фаддеевич?

– Вы что, Андрей Петрович, хотите оставить нас без вестовых?! – вскипел капитан. – Со своим разбирайтесь как хотите, это ваше дело. А почему вы пытаетесь втянуть и меня в эту авантюру?!

Наступила неловкая пауза.

– Можно будет на время, когда ваши вестовые будут заняты изготовлением чучел, организовать их подмену, – осторожно предложил старший офицер, боясь навлечь на себя гнев начальника.

Фаддей Фаддеевич посмотрел на него, потом на Андрея Петровича.

– Делайте, что хотите, только оставьте меня в покое! – безнадежно махнул рукой капитан и направился в сторону мостика.

Андрей Петрович улыбнулся Ивану Ивановичу, благодаря за вовремя оказанную помощь.

– Так и сделаем! – решительно сказал старший офицер. – А вы, господа офицеры, подберите двух толковых матросов на подмену вестовым.

Те дружно щелкнули каблуками.

* * *

Однажды, осматривая чучела, Андрей Петрович наставлял Матвея.

– Вот смотри, здесь у тебя собраны неплохие чучела, но они не очень смотрятся, так как хоть и сгруппированы по видам, но очень скученны. А теперь представь себе, что в центре группы чучел вот этот самый морской слон возлегает на валуне и, подняв голову, осматривает свои владения, а рядом у валуна лежит одна из его самок. Ты же видел в мою подозрительную трубу нечто подобное?

– Видел, Андрей Петрович. Я понимаю так, что вы хотели бы видеть этих животных так, как будто они находятся на воле. А для этого нужно изготовить декорации, как в театре. Правильно, Андрей Петрович?

– Совершенно правильно, Матвей! Молодец! Ты ухватил основную идею, а это самое главное. В общем, нужно сделать так, чтобы зрители, приходящие сюда, были поражены не только самими чучелами животных, но и их композицией на фоне природы. Я понятно говорю? – забеспокоился Андрей Петрович.

Матвей расплылся в улыбке.

– Вы говорите точно так же, как говорил режиссер в театре графа Шереметева. Я все понял, Андрей Петрович.

– Тогда с Богом, мастеравые. Все необходимые материалы получите у баталера и боцмана. Я распоряжусь. Можете к этим работам привлекать плотника и других умельцев

из команды. И не мешкайте, поспешайте. Зрители могут нагрянуть очень скоро. Смотрите, не подведите нашего капитана.

Лица вестовых светились радостью и готовностью выполнить столь ответственное задание.

– И вот еще что. Ты бы смог, Матвей, изготовить чучело белого альбатроса, добытого лейтенантом Лазаревым, капитаном «Мирного», с распростертыми во весь размах крыльями?

– Могу попробовать, Андрей Петрович, – его глаза вспыхнули огоньками, – но только потребуется много проволоки, ведь у нас нет ни одного подобного каркаса, – забеспокоился Матвей.

– Проволоку не жалей. Подкупим еще в одном из портов, куда зайдем на время зимы здесь, в Антарктике.

– Тогда сделаю в лучшем виде, Андрей Петрович! Можете не сомневаться!

«Насколько же богата талантами русская земля...» – размышлял Андрей Петрович, возвращаясь в свою каюту.

* * *

Андрей Петрович, позавтракав, работал за письменным столом, когда услышал возбужденные голоса:

– Ледяная гора, братцы! Ледяная гора!..

Он бросился к окну, но увидел только привычные глазу длинные валы мертвой зыби, уходящие к горизонту. Быстро накинув на плечи подбитый мехом плащ, заскочил в капитанскую каюту и, застав в ней Фаддея Фаддеевича, позвал его на мостик, уже на ходу объясняя причину такой поспешности. Быстро прошли мимо бежавшего навстречу рассыльного, посланного вахтенным офицером доложить капитану о чрезвычайном происшествии, который, увидев их, вытянулся в струнку, прижавшись спиной к переборке, и пытался доложить о случившемся. Капитан же только махнул рукой. Мол, уже и так знаю...

Впереди, слева по борту, высилась громада плавучей ледяной горы. Потрясающее зрелище! Ведь это был первый айсберг, встреченный мореплавателями за время их плавания. Капитан тут же дал указание астроному измерить его высоту и размеры, а штурману определить его координаты. А художник Михайлов уже делал первые наброски будущего рисунка.

– Поздравляю с первой ласточкой, Андрей Петрович! – возбужденно улыбнулся Фаддей Фаддеевич.

– И вас, Фаддей Фаддеевич! Дай бог, не с последней...

– Тьфу, тьфу, тьфу! – суеверно сплюнул капитан через плечо.

Между тем ледяная гора надвигалась всей своей исполинской мощью и, казалось, вырастая на глазах. С северной стороны ее отлогий ледяной мыс был буквально усеян пингвинами, которые стоя размахивали крыльями-ластами, как бы приветствуя мореплавателей.

– Высота айсберга 180 футов! – доложил астроном Иван Михайлович.

– Вот это да! – присвистнул от восхищения гардемарин Роман Адамс.

– Господа! – обратился к окружающим Андрей Петрович. – Это высота только видимой надводной части айсберга, а девять десятых его общей высоты находятся под водой, что очень и очень трудно себе представить. Таким образом, после нехитрых арифметических вычислений общая высота этого айсберга будет равна 1800 футам (около 600 метров)!

– Невероятно! – воскликнул один.

– Сохрани нас, Господи! – перекрестился другой.

– Хоть убейте, не могу в это поверить! – выпалил третий, вглядываясь в воду под айсбергом.

– И тем не менее, господа, это так! – подтвердил Андрей Петрович. – И это далеко не предел. Английский мореплаватель Джеймс Кук при попытке проникновения в район Южного полюса встречал плавающие ледяные горы высотой не менее 300 футов. Речь идет, конечно, только о высоте их надводной, то есть видимой, части.

– Но если это так на самом деле, а я полностью доверяю нашему ученому, то откуда же тогда берутся эти монстры? – задал волновавший всех вопрос лейтенант Торсон.

Все взгляды, полные надежды узнать не познанную пока тайну, устремились на Андрея Петровича, и только у капитана прыгали веселые чертики в глазах. Тот заметил это и усмехнулся про себя: «Хорошо быть подготовленным заранее, не правда ли, Фаддей?»

– Все очень просто, Константин Петрович, – обратился Андрей Петрович к лейтенанту. – На земле в условиях низких температур в течение веков, а то и тысячелетий, постепенно образуется ледяной панцирь толщиной в несколько тысяч футов. Под собственной тяжестью он медленно сползает с суши к океану и, нависая над прибрежными глубинами, его край начинает обламываться. Вот эти обломки, опускаясь в воду, и образуют айсберги, один из которых мы как раз и видим перед собой.

– Но чтобы образовался ледяной панцирь такой толщины, необходима земля достаточно больших размеров, не так ли? – предположил Торсон.

– Безусловно. Чем выше айсберги, тем, следовательно, больших размеров должна быть земля, на которой образуется ледяной панцирь. А при очень больших ее размерах возможно уже образование ледяного купола, как это произошло, например, в Гренландии.

– Из этого следует, – вмешался в разговор лейтенант Лесков, – что появление айсбергов предполагает наличие земли больших размеров в районе, расположенном южнее места их появления. Вы это имеете в виду, Андрей Петрович?

– Именно это, Аркадий Сергеевич, правда, с небольшим уточнением. Важна не только высота айсбергов, но и их количество. То есть чем больше земля, тем, соответственно, должно быть больше и айсбергов за счет увеличивающейся длины прибрежного края панциря.

– Именно поэтому, господа офицеры, – с внутренним подъемом обратился к ним капитан, – мы по велению государя императора нашего и держим курс на зюйд, к Южному полюсу, туда, где и есть земля значительных размеров, которую мы и должны обрести, преодолев все препятствия, во славу нашего Отечества! Ура, господа!

– Ура! – дружно вскричали с освещенными внутренним светом глазами офицеры, готовые к самопожертвованию ради великой цели.

– Ура! – тут же подхватили боевой клич матросы, заполнившие верхнюю палубу шлюпа «Восток».

И только пингвины были свидетелями единого порыва русских моряков найти эту таинственную южную землю.

* * *

– Сбываются твои пророчества, Андрюша... – задумчиво глядя на остров темно-красного цвета с пологой горой посередине, сказал Фаддей Фаддеевич. – Это уже третий открытый нами остров, и других в этом районе, по всем признакам, больше нет. Поэтому думаю этой компактной группе островов – Лескова, Торсона¹² и Завадовского, названных именами офицеров шлюпа «Восток», – дать название островов маркиза де-Траверсе в честь нашего морского министра, оказавшего доброжелательное к нам отношение.

¹² Остров Торсона – после подавления восстания декабристов в 1825 году и ссылки в Сибирь на каторжные работы морского офицера К. П. Торсона, принимавшего в нем активное участие, был переименован в остров Высокий.

– Странно, Фаддей. Ведь ты же называл его чуть ли не тупицей? – удивился Андрей Петрович.

– Это к делу не относится, – улыбнулся капитан, – здесь уже важна политика.

«Да ты уж, никак, начал осваивать законы придворного этикета, приятель? – с долей неприязни подумал Андрей Петрович. – В то же время без этого никак не пробиться на том жизненном пути, который ты избрал себе, Фаддей», – смирился он.

– Возможно, ты и прав, но меня как ученого больше интересует как раз вот этот остров Завадовского, напротив которого мы и находимся. Во-первых, как ты видишь, из юго-западного жерла горы непрерывно истекают то ли густые пары, то ли какие-то дымы. Следовательно, этот остров вулканического происхождения, что подтверждает и его темно-красный цвет. Нужны образцы его пород. Во-вторых, весь остров от основания до середины горы покрыт пингвинами, которые по каким-то причинам избрали его местом своего гнездовья. Хотелось бы узнать, почему? Поэтому я прошу тебя, Фаддей, организовать на него высадку офицеров и ученых.

– Добро, Андрюша, завтра ты будешь на острове.

* * *

– Андрей Петрович, держитесь за мою палку, а то камни от брызг прибоя скользкие, – предложил мичман Демидов, успевший по молодости лет забраться повыше.

– Спасибо, Дмитрий Николаевич! – поблагодарил тот, поднявшись на довольно солидный валун, окруженный со стороны суши пингвинами, насиживающими яйца.

– Я вам сейчас подыщу какой-нибудь хлыст, которым можно будет отпихивать пингвинов, а иначе их никак не сдвинешь с места. Стоят, как изваяния, над своими яйцами и ни гу-гу. Слава Богу, что еще не щиплются и не бьют своими лапами, – задорно говорил мичман, радуясь земной тверди под ногами.

И он был прав. Пингины стояли так тесно, что порой было невозможно сделать шаг, не отпихнув кого-либо из них хлыстом. Поднявшись таким образом по вязкому грунту, источавшему пренеприятнейший запах, до середины горы, путешественники остановились. Выше отметки 600 футов пингинов уже не было.

– Смотрите, Андрей Петрович, с подошедшего «Мирного» тоже спустили шлюпку, – заинтересованно отметил наблюдательный капитан-лейтенант Завадовский.

– Вот и хорошо, – со злорадством откликнулся Демидов. – Не нам же одним, Иван Иванович, дышать этим смрадом...

– Не нервничайте, Дмитрий Николаевич, – успокоил мичмана Андрей Петрович. – Мы с вами шли по пингвиньему помету, который здесь накопился за сотни, а то и тысячи лет. Поэтому яйца пингинов лежат как бы на мягкой и теплой подстилке в идеальных для этих мест условиях. И заметьте, на острове за исключением вершины горы практически нет снега, в то время как острова и Лескова, и Торсона, находящиеся неподалеку, полностью покрыты снегом и льдом.

– Это, наверное, является следствием вулканической деятельности острова, – предположил астроном Симонов, вопросительно посмотрев на Андрея Петровича.

– Вы совершенно правы, Иван Михайлович! Оттого остров и имеет такую необычную темно-красную окраску. Таким образом, господа, мы разгадали причину, по которой пингины избрали этот остров местом своего гнездовья. Поздравляю вас с этим успехом! А запах – это вторично, Дмитрий Николаевич, – улыбнулся он мичману. – Пингины выведут свое потомство и преспокойно уплывут в океан. Делать им здесь будет больше нечего.

Путешественники уже другими глазами взглянули на лежащий под ними остров, усеянный множеством пингинов.

– А сейчас надо собрать образцы пород. Пусть с ними разберутся в Академии наук в Петербурге, – сказал Андрей Петрович, снимая с плеча лямки холщовой сумки.

– Э нет, Андрей Петрович, это уже не ваше дело! – воскликнул мичман, отнимая у него сумку. – Вы показывайте мне камни, которые вас интересуют, а собирать их уж буду я.

– Спасибо, Дмитрий Николаевич! Я не против такого разделения труда, – еще раз улыбнулся ему Андрей Петрович.

«Странно, – рассуждал он, осматривая склон горы и вспоминая поиски Григория Ивановича на Нукагиве, – но нигде не видны следы потоков лавы. В чем же дело? Ведь это же вулкан и при том действующий! – и в подтверждение своих мыслей взглянул на шлейф густых испарений, тянущийся от вершины горы. – А стал бы Григорий Иванович подниматься к его жерлу? Навряд ли. Ведь вблизи него испарения могут быть и ядовиты. Конечно, если бы это была экспедиция вулканологов, тогда другое дело. А нам, грешным, там делать нечего», – благоразумно решил он.

При возвращении к шлюпке прихватили с собой около десятка поморников¹³ и несколько пингвинов. И было удивительным, что пингвины, смирные до сих пор, преследовали их, норовя ударить лапами, которыми бьют довольно сильно.

– Будете знать, как воровать чужое добро, господа хорошие! – с задорным смехом обращался мичман Демидов к путешественникам. – Кыш, окаянные! – самоотверженно отбивался он от наседавших пингвинов сумкой с образцами пород.

* * *

Увидев поблизости небольшую льдину, капитан решил воспользоваться ею, чтобы наколоть льду для сохранения продуктов. А Андрей Петрович из собственного опыта знал, что это было большой проблемой для мореплавателей, вспомнив при этом, в частности, о большом количестве свежей рыбы, выброшенной за борт во время перехода «Надежды» из Петропавловска на Камчатке в Японию.

Матросы же всего за полтора часа привезли его на шлюп столько, что наполнили шесть больших бочек, котлы и все артиллерийские кадки, чем капитан остался несказанно доволен.

– А теперь проведем эксперимент, Андрюша, – таинственно поведал Фаддей Фаддеевич и приказал кокам, не сообщая об этом офицерам, из растопленного льда приготовить чай для кают-компаний.

Когда же те нашли, что вода была превосходной и чай вкусен, капитан облегченно вздохнул:

– Теперь у нас не будет проблем со свежей пресной водой во время всего плавания во льдах.

* * *

25 декабря, когда шлюпы лавировали при противном ветре с юга, Беллинсгаузен приказал офицерам «Мирного» во главе с капитаном прибыть на «Восток» для участия в молебне по случаю изгнания французов из России в Отечественную войну 1812 года.

Молебен был отслужен с коленопреклонением. Матросам в обыкновенные дни готовили солонину пополам со свежей свиной, но по случаю сегодняшнего события приготовили любимое кушанье русских – щи из кислой капусты и свежей свинины, пироги с рисом и мясом, а после обеда роздано было каждому по полкружки пива. В четыре же часа дня

¹³ Поморники – семейство птиц, родственное чайкам. Большой поморник длиной тела до 60 см распространен от 40-й южной широты до Антарктиды. Питается рыбой (часто отнимая ее у чаек и других птиц), разоряет птичьи гнезда.

выдали еще и по стакану пунша с ромом, лимоном и сахаром. После этого матросы были столь веселы, будто находились в праздничный день в России, а не в Южном Ледовитом океане среди туманов, пасмурности и снегов.

* * *

После праздничного стола в кают-компании Беллинсгаузен пригласил Лазарева и Андрея Петровича в адмиральскую каюту.

– Уже плаваем вместе, почитай, полгода, а вы с Михаилом Петровичем так толком и не познакомились, – сказал Фаддей Фаддеевич, обращаясь к Андрею Петровичу.

– Живем в соседних домах, а тропинка между ними так до сих пор и не протоптана, – отшутился тот.

– Значит, будем протапывать, – констатировал Фаддей Фаддеевич.

Все расселись па местам, благо, вестовые уже внесли кресло капитана «Востока». «Видимо, предстоит долгий разговор», – предположил Андрей Петрович.

– А я вас, Андрей Петрович, видел в Новоархангельске, – первым начал Лазарев.

– И я вас, Михаил Петрович, но только мельком. Меня тогда, честно говоря, поразило, что морской офицер в довольно солидном возрасте до сих пор ходит в мичманах.

– Вы не совсем правы, Андрей Петрович, – мягко улыбнулся тот. – Я уже тогда был лейтенантом и, между прочим, командовал «Суворовым».

– Прошу прощения, Михаил Петрович! – смутился Андрей Петрович, прекрасно зная, как ревностно относятся офицеры к воинским чинам. – Еще раз прошу извинить меня за невнимательность! Я тогда, исполняя обязанности коменданта крепости Росс в Верхней Калифорнии, был очень озабочен усилением ее обороны, заехав ненадолго в Новоархангельск, чтобы отобрать пушки и переправить их в крепость.

– От индейцев? – заинтересованно спросил Лазарев.

– Нет, от испанцев. Дело в том, что после изгнания Наполеона Фердинанд VII, король Испании, вернулся со своим двором в Мадрид и сразу же дал негласное указание губернатору Верхней Калифорнии в обход, разумеется, российского правительства удалить русских с ее территории.

– И чем же закончилось это противостояние? – живо и крайне заинтересованно спросил капитан «Мирного».

– Да ничем... К этому времени Мексику, как впрочем, и все колонии Испанской Америки, сотрясало национально-освободительное движение их народов. Так что испанцам стало не до нас. А по уверению нашего генерального консула в Рио-де-Жанейро господина Лангсдорфа, испанскому владычеству в Америке вообще приходит конец.

– Прямо как в русской поговорке: «Сам не гам и другому не дам!» – вмешался в разговор молчавший до сих пор Фаддей Фаддеевич.

– Прошу прощения, господа, но у меня создалось впечатление, что у вас сложились особые отношения с господином Лангсдорфом? – осторожно спросил Михаил Петрович.

– Ничего удивительного, – пояснил Андрей Петрович, – мы вместе плавали на шлюпе «Надежда» под командой Крузенштерна и хорошо знаем друг друга еще с тех времен. Григорий Иванович – прекрасный ученый-натуралист, член-корреспондент Петербургской академии наук, и я уверен, что в скором времени станет ее действительным членом, то есть академиком. Кстати, мой учитель по ученой части.

– Сразу видно! Я вам, Андрей Петрович, очень благодарен за разработанные вами признаки наличия земель в высоких южных широтах. Замечательная научная работа, так нужная мореплавателям. Недаром вы почетный член Петербургской академии наук! Ведь мы, моряки, всегда отслеживаем наличие морских животных и птиц и знаем признаки их пове-

дения. Но это относится к средним и экваториальным широтам, но Антарктика – это практически не изученный район земного шара, «белое пятно», одним словом. Но когда увидел огромные айсберги и плавающих близ них больших пингвинов в отличие от пингвинов Адели, виденных мною у мыса Доброй Надежды у южных берегов Африки, то, честно признаюсь, у меня аж дух перехватило – ведь где-то рядом должна быть большая земля!

– А почему плавающих? – притворно удивился Фаддей Фаддеевич. – Наши умельцы сподобились изготавливать чучела морских животных и птиц, и теперь можно вволю любоваться ими. Скоро на шлюпе не хватит места, чтобы размещать их. Целый музей! – горделиво похвастался он, радуясь за себя и за Андрея Петровича.

– И кто же изготавливает их? – недоверчиво спросил Михаил Петрович. – Ведь это, как мне известно, тонкое и сугубо специфическое искусство, доступное только опытным мастерам в специальных мастерских...

– Да наши вестовые, – небрежно пояснил Фаддей Фаддеевич. – Андрей Петрович, как бы невзначай, подсунул своему вестовому, Матвею, книжечку по изготовлению чучел. Тот изучил ее, попробовал вначале на чайке, – и он указал на ее чучело, стоящее на книжном шкафу, – а потом пошло-поехало... Сейчас у них своя мастерская со всякого рода материалами и инструментами, которые Андрей Петрович приобрел в Копенгагене и Лондоне. Так что теперь Матвей, толковый и грамотный парень, вроде как ассистент у Андрея Петровича, а мой вестовой, Макар, у него в помощниках.

Лазарев был сражен окончательно и бесповоротно. Фаддей Фаддеевич видел это и торжествовал.

– А посему прошу вас, Михаил Петрович, осмотреть наши музейные экспонаты, – великодушно пригласил капитан «Востока».

Когда они вошли в помещение, где хранилось собрание чучел, то остановились как вкопанные. Вестовые, заранее предупрежденные, зажгли множество свечей и факелов, в призрачном колеблющемся свете которых перед ними предстала прямо-таки ошеломляющая композиция.

На фоне снежного гористого острова на большом валуне полулежал, опираясь на лапы, огромный морской слон с гордо поднятой головой, украшенной вздутием, напоминающим короткий хобот, возле которого лежала самка. Вокруг стояли пингвины разных размеров и видов, а на уступах прибрежных скал разместились альбатросы, поморники и малые буревестники всех цветов и оттенков. А над всем этим великолепием парил белый альбатрос с распростертыми огромными чудо-крыльями.

Офицеры, пораженные увиденным, молча переживали свое восхищение. И даже Андрей Петрович, уже видевший эту композицию, но только в черновом, рабочем варианте, был удивлен не меньше других.

– Фантастика... – прошептал лейтенант Лазарев. – У меня просто нет других слов, господа!

– Да... Не ожидал, увидеть такого великолепия, Андрей Петрович! – поддержал Фаддей Фаддеевич.

И тот, польщенный реакцией капитанов, решил перевести разговор в другое русло.

– А вы не узнаете парящего альбатроса, Михаил Петрович?

– Неужто тот самый? – недоверчиво посмотрел на Андрея Петровича капитан «Мирного».

– Тот самый, Михаил Петрович, которого вы подстрелили удачным выстрелом. Ведь других белых альбатросов, как видите, здесь нет.

– Надо же... Никогда бы не подумал, – откровенно удивился лейтенант. – Стрелял вроде бы и в большого, но не в такого же огромного!

– Обман зрения, Михаил Петрович! – авторитетно заключил Фаддей Фаддеевич. – Зачастую далекое оказывается совсем иным при близком его рассмотрении, – философски уточнил он.

– Как бы то ни было, но теперь этот экспонат будет красоваться в одном из музеев Санкт-Петербурга с указанием автора, его добывшего, с чем и поздравляю вас, Михаил Петрович! – вполне торжественно произнес Андрей Петрович, пожимая руку растерянному Лазареву.

Капитан «Мирного» задумался и вдруг предложил, обращаясь к капитану «Востока»:

– Давайте, Фаддей Фаддеевич, не будем эгоистами и пригласим сюда всех офицеров и ученых обоих шлюпов. Пусть и они полюбуются этой чудо-экспозицией.

Когда страсти и возгласы восхищения несколько улеглись, к Андрею Петровичу обратился художник Михайлов.

– Не считаете ли вы, что фон этой экспозиции можно было бы написать несколько выразительней, более реалистичней, что ли?

Андрей Петрович неожиданно оказался в довольно затруднительном положении. Ведь свои услуги предлагал известный живописец, большой мастер своего дела. Однако...

– Большое спасибо за ваше предложение, Павел Николаевич! Но у меня есть большие сомнения по этому поводу, – как можно тактичнее начал Андрей Петрович. – Дело в том, что прекрасно написанный второй план может подавить своим великолепием содержание экспозиции, основу которого составляют все-таки чучела морских животных. И в этом случае вся композиция может потерять значительную часть своего познавательного значения. Но это только мое, сугубо личное мнение, которое может быть и не совсем точным и правильным. Я всего-навсего только ученый, и меня в первую очередь интересует содержание именно переднего плана, а не его фона.

И по реакции полутора десятка присутствующих почувствовал, что их мнение склоняется в его пользу.

– Сдаюсь, Андрей Петрович! – натянуто улыбнулся художник. – Вы не только большой ученый, но и человек, умеющий блестяще аргументировать свою позицию.

– Уж это точно! – отозвался Фаддей Фаддеевич, радуясь вроде бы благополучно закончившейся дискуссии. – Кому, как не мне, знать убойную силу его аргументов, – рассмеялся он, поддержанный окружающими.

– И кто же исполнитель этого фона, как выразился Андрей Петрович? – любопытно спросил живописец, не желавший, видимо, просто так сдавать уже своих позиций.

«Вот язва! – вскипел от несправедливости Андрей Петрович. – Не автор, а, видите ли, исполнитель. Мог бы, между прочим, и поучиться у этого исполнителя, например, композиции. Я же только намекнул ему, что хотел бы видеть на втором плане, а он развернул этот намек в целую панораму. Да как развернул!»

– Матвей! – громко позвал он.

Матвей, стоявший за дверью и слышавший вопрос, прошел через проход расступившихся офицеров.

– Канонир первой статьи Захар Красницын, ваше благородие! Их высокоблагородие господин ученый разрешили мне подобрать в помощники любого матроса из команды шлюпа, ваше благородие.

– И откуда же у него эти таланты? – удивленно поднял брови живописец.

– Захар был слугой у барина, который занимался художествами. Растирал краски, подбирал колер, а иногда по просьбе барина подрисовывал отдельные места на его картинах, особенно дали. Так и познал эти художества, ваше благородие.

– М-да... – многозначительно изрек живописец, оскорбленно глянув на Андрея Петровича, который усмехнулся про себя: «Ничего, переживете, господин художник!»

– И велика ли артель у тебя, Матвей? – заинтересованно спросил лейтенант Лазарев.

– Никак нет, ваше благородие! Кроме меня еще Макар, вестовой их высокоблагородия господина капитана, упомянутый Захар да плотник Петр Матвеев, ваше благородие.

Лазарев задумался. «Вот так командуешь людьми, тебе вверенными, и не задумываешься, что у каждого из них есть свои таланты, втуне спрятанные», – вздохнул он. Затем вынул из кармана довольно большую серебряную монету, повертел ею и передал Матвею.

– Это пиастр, равный пяти рублям серебром. Раздели их между артельщиками согласно их труду, вложенному в общее дело, по твоему разумению. И спасибо тебе за вами содеянное!

– Рад стараться!

И, кажется, впервые Андрей Петрович заметил слезинку, сверкнувшую в его глазах в свете факела.

* * *

На прощание Лазарев крепко пожал руку Андрею Петровичу.

– Большое спасибо, Андрей Петрович, за вашу плодотворную научную деятельность. Думаю, что вы можете претендовать в Академии наук на место академика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.